

Своя волна

Роман

16+

Татьяна Василевская

Татьяна Михайловна Василевская

СВОЯ ВОЛНА

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48808485

SelfPub; 2020

Аннотация

Ни одно преступление не остается безнаказанным. Если преступник не изобличен, это не означает, что ему удалось избежать наказания. Он несет его в себе, втайне от всех, бессрочно, без надежды на амнистию. Страх разоблачения. Страх, что правда откроется. Детектив-не детектив. История о жизни, чувствах, взаимоотношениях, характерах и поступках.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	24
Часть 2	46
Глава 1	47
Глава 2	59
Глава 3	89
Глава 4	94
Глава 5	123
Конец ознакомительного фрагмента.	132

«Все мы люди и должны всегда ими оставаться, несмотря ни на что...»

Высказывание философствующего бомжа, с которым судьба случайно столкнула меня на одной из московских улиц. Опустившегося по социальной лестнице на самое «дно» члена общества, при этом, удивительным образом, сумевшего сохранить чувство собственного достоинства.

Часть 1

Много шума

Глава 1

Июнь 2011г. Поволжье.

Острый нос ткнулся в песчаную отмель, под брезентовым дном прошуршал песок, и байдарка застыла на месте.

–Все, слабаки, нытики и лентяи, радуйтесь! Привал!– выбравшись из лодки, крикнул отец семейства, наблюдая, как причаливает, шедшая следом байдарка, в которой сидели жена и старший из сыновей.

–Слава богу, я думала, ты нас сегодня совсем уморить решил,– опираясь на поданную руку, проворчала жена, вылезая на берег. Оглядевшись, она с удовлетворением отметила, что место, выбранное для привала вполне удобное и симпатичное. За песчаной полосой «береговой линии» раскинулась просторная поляна, пестревшая неброскими, робко выглядывающими из травы, луговыми цветами. Над разноцветными головками маков, васильков, медуницы и иванчая, кружили пчелы и другие насекомые. Теплый воздух был наполнен их жужжанием и стрекотанием кузнечиков, срывающихся в густой траве. Со всех сторон поляну окружали деревья. Могучие стволы и раскидистые кроны. Не то, что в городе, где жиденькие деревца, посаженные среди асфальта, лишь создают видимость «зеленых насаждений». Одним словом, кругом была природа в чистом виде, без какого либо вмешательства человека. Впрочем, человек присутствовал.

В дальнем конце поляны, ближе к лесу, прямо на траве растянулся представитель хомо сапиенс.

– Кажется, нас опередили. Вон, мужик какой-то, – слегка нахмурившись, сказала жена. Соседство со спящим на траве незнакомцем ее не радовало.

Муж беззаботно улыбнулся.

– Да, какой-нибудь местный абориген. Небось, тяпнул водочки, и разморило на солнышке человека. Пусть спит. Чем он тебе мешает?

– Как-то не очень хочется устраиваться на обед рядом с каким-то алкоголиком, – недовольно сказала молодая женщина. – Мальчишкам совершенно ни к чему наблюдать за пьяным.

Муж нахмурил брови.

– Июль, ну что за ерунда? Почему сразу алкоголик, может просто пришел человек в лес, воздухом подышать, птичек послушать. Прилег и уснул. Между прочим, имеет точно такое же право находиться здесь, как и мы.

Жена стояла с надутым видом.

– Что, предлагаешь плыть дальше, искать другое место? Вы сами ныли последние часа полтора, как вы устали и как хотите есть, и сколько еще нам осталось плыть. – Лицо у него сделалось раздраженным. Вечно из-за ерунды устраивает целую трагедию.

– Ладно. Давайте, разводите костер, я пока с продуктами разберусь, – сдалась жена. Еще не хватало семейных сцен из-

за мужика, которому вздумалось выбрать для сестры то же место, что и им. Да, и мальчишки устали и голодные.

Взяв топор и пилу, мальчишки вместе с отцом, отправились, к стоявшему чуть в стороне от остальных дереву. Судя по обгоревшей верхушке и безжизненным, лишенным листы ветвям, в него угодила молния. Погубленное грозой, высушенное дерево отлично годилось на дрова.

Спустя полчаса, нагулявшее аппетит за время утреннего перехода по реке семейство, за обе щеки уплетало пахнущий дымком обед. Мальчишки хихикали, толкались, пытаются, по очереди, сбросить друг друга с бревна, которое они с отцом притащили к костру в качестве скамейки.

–Прекратите, хватит,– вяло прикрикнула на разошедшихся сыновей мать. Еда подействовала усыпляюще и расслабляюще. Захотелось прилечь и поспать. Не плыть больше никуда. По крайней мере, сегодня. Не ругаться на детей, и вообще, ни чего не делать. Просто предаться безделью, забыть обо всем, не думать о проблемах. Мысль о послеобеденном сне напомнила о мужчине, спавшем на поляне. Женщина повернулась и посмотрела в ту сторону, где находился незнакомец, когда они только приплыли. Он по-прежнему лежал на том же месте и, кажется, даже поза у него была та же самая – он лежал на спине, лицо было повернуто к лесу и одна рука вытянута в сторону, как будто он протягивал ее кому-то.

–Сереж, смотри,– она кивнула в сторону спящего, – этот, твой абориген, так и спит.

Муж обернулся и, скользнув взглядом, по фигуре спящего пожал плечами.

–Ну и что? Может, он и правда набрался. А, может, не выспался человек. Может, у него бессонница или он в ночную смену работает.

Сообщив, что по плану сегодня они должны пройти еще восемь километров, глава семейства великодушно дал всем два часа на «послеобеденное безделье». Мальчики побежали купаться, а жена, собрав продукты и помыв посуду, решила не лишать себя желанного отдыха и прилегла. Прямо перед глазами, по свисающей вниз травинке, ползла какая-то букашка, торопясь по своим букашьям делам. Сон навалился незаметно. Тело расслабилось, и перед глазами поплыли видения, как будто она плывет на большом корабле и он едва заметно покачивается на волнах и на душе так радостно...

–Мам! Мам!!! Па!...

Вырванная из приятного сна истошными воплями детей, женщина быстро села и испуганно посмотрела по сторонам. Муж, также как и она разомлевший на солнышке сидел рядом с не менее ошалевшим видом, тоже явно только очнувшись от сна.

–Что случилось?!...– выдохнула женщина. Оба сына стояли напротив, целые и невредимые. С ними все в порядке и это самое главное. Но мальчики были явно чрезвычайно возбуждены и, кажется, напуганы.

–Мам, пап... Этот дядька,– старший, одиннадцатилетний

сын Женя показал рукой в сторону где спал незнакомец. – Он... Там... кровь... Кажется он... не живой... – голос мальчика задрожал, а в расширившихся глазах отразился страх, смешанный с любопытством.

–Что?!... – ее глаза тоже расширились и стали круглыми.

–Так... Посидите с мамой... Я сейчас... Сидите здесь...

Кивнув жене, отец мальчиков направился к лежащему на траве, как и прежде все в той же позе мужчине.

–Все хорошо. Ничего страшного. Папа сейчас разберется, – прижимая к себе детей и глядя их лохматые головы, успокаивала детей мать, прекрасно понимая, что они напуганы и, ругать их за то, что они ушли от родителей, да еще пошли к незнакомому человеку, бессмысленно. Да и виноваты не дети, а скорее они с мужем. Хороши родители. Уснули, а дети остались без присмотра. Могло произойти все что угодно. «Больше никаких походов! К черту! Только цивилизованный отдых...», – глядя на напряженную, удаляющуюся от них фигуру мужа, со злостью думала она, стараясь не разреветься и не перепугать своими слезами сыновей еще больше.

Глава 2

На худом, желчном лице, приехавшего из города следователя, ясно отражались все испытываемые им, в данный момент, эмоции. Все они были негативные. Раздражение, недовольство, отвращение. Уголок тонкогубого рта нервно подергивался. Следователь то и дело прижимал к носу, аккуратно сложенный, отутюженный носовой платок. Казалось, что он с трудом сдерживается, чтобы не начать орать на кого-нибудь.

Приятного в этом деле, и впрямь, было мало. Два трупа за один день. Причем второй «нарисовался» в то самое время, когда следователь, вызванный местными представителями власти, по поводу найденного в лесу семейством туристов тела, был на пути в поселок.

А теперь еще и задержание подозреваемого, местного наркомана, проживающего, с сумасшедшей бабкой, в квартире больше похожей на клоаку, чем на человеческое жилье. Ясное дело, что следователь-интеллигент дергается.

Первой жертвой был не какой-нибудь там местный забулдыга или наркоман. Человек солидный, уважаемый, можно даже сказать, известный. Профессор, преподававший в университете, в городе, из которого, как раз, был вызван следователь. У профессора имелась куча наград, званий и степе-

ней. Его труды по истории, как уверяла, время от времени, навещавшая его сестра, издавали по всему миру. Этой осенью должен был ехать в Москву. Пригласили его какой-то серьезной научной работой заниматься. Очень радовался, да вот не судьба. Глупая, нелепая смерть. То, что тело нашли в лесу, никого из местного отделения не удивило. Весь поселок знал, что старик обожает гулять в свободные дни по берегу протекающей через лес речушки. Ему, как он сам говорил, там хорошо дышится и думается. Человек он был, несмотря на свою ученость, простой, общительный и веселый. Никто бы и подумать не мог, что вот так выйдет.

Второй труп нашли через пару часов, после того, как сплавлявшиеся по реке, на байдарках, муж с женой и детьми, явились в поселок с новостью о сделанной ими страшной находке. Второго убитого, видно уж день был такой, нашли опять же мальчишки. Полезли в полуразрушенный сарай, где раньше сельхозтехнику ремонтировали, когда тут еще колхоз был. И наткнулись на труп. Убитым, на этот раз оказался вконец опустившийся наркоман, дружок нынешнего подозреваемого. При нем, вернее рядом с ним, валялись часы, снятые с руки профессора, с именной гравировкой. По всему выходило, что они вдвоем отправились на поиск денег на очередную дозу. И то ли случайно забрели в лес, то ли вспомнили, что профессор там обычно прогуливается, это не так уж теперь и важно, а только они там на него напали и ударили ножом. И так «удачно» пришелся удар, что профессор,

как сказал врач, осматривавший тело, умер мгновенно. Может, они и не хотели убивать, но факт остается фактом. Профессор мертв. И дружок наркоман тоже. Вероятно, у приятелей, вышла ссора. И один другому, обломком кирпича чуть не половину черепа снес. Убийца, уже двух человек, забрал деньги, взятые у профессора, и отправился за дозой. Часы профессора, кстати, дорогие, наверное, в спешке не заметил, не терпелось поскорее «вмазаться».

Все было, вроде бы логично. Все сходилось. И предполагаемый убийца, в состоянии полной отключки, лежал перед представителями власти, уткнувшись лицом в грудь грязного рванья, сваленного прямо на полу и служившего ему постелью. Но что-то, какая-то малость, которая не вписывалась в складную вроде бы историю, не давала местному участковому, Ивану Федоровичу Левицкому покоя. Как будто свербела внутри, мешая и раздражая старого стража порядка. «Ну, сколько денег могло быть при себе у человека отправившегося гулять в лес? Ну, на сигареты или на батон хлеба, если собирался в магазин заскочить после прогулки. Да даже если бы и были у профессора при себе какие-то более-менее нормальные деньги, так он бы этим дуракам сам их отдал. Уж если их так ломало, что они на убийство пошли и даже один другого прикончил, хоть и с малолетства друзьями-товарищами были, профессор бы не отказал, пожалел бы убогих, потому, как человек был отзывчивый. Потом, может, попытался бы убедить их пройти курс реабилитации, что было бы,

конечно, бесполезно, потому как люди они оба совершенно конченные, даже и слушать бы его не стали. Но то, что, в тот момент, профессор бы им денег дал это точно. Он, вон, на собственные средства детишкам библиотеку организовал в поселке. И своих книг дал, и новых купил...»

Заметив, что старый участковый ведет себя странно – переминается, пыхтит, что-то там бормочет себе под нос, следователь раздраженно спросил:

– Левицкий, что там у Вас? Что Вы дергаетесь?

– Да я это... вот, думаю... Может, не он это, – участковый кивнул в сторону зловонного ложа.

Глаза у следователя выпучились, а на бледных щеках вспыхнули алые пятна.

– Вы что, Левицкий, совсем рехнулись?

– Да, Антон Андреевич, ну с чего им профессора убивать? Если им деньги нужны были, он бы им сам дал. Он такой был, профессор-то... а они, – участковый кивнул в сторону пребывающего в глубоком наркотическом сне подозреваемого, – я ж их с детства знаю. Они с дружкой, со вторым убитым, конечно, опустились, дальше-то некуда, это правда. Но никаких буйств, ничего такого за ними не водилось... Где, чего спереть, это да. Это они первые. Били их не раз за это... А такого, чтоб напасть на кого-то...

– Хватит! – рявкнул следователь. Мало того, что пришлось тащиться в этот чертов поселок, в выходной день, осматривать одно за другим, два места преступления, а теперь стоять

посреди мерзкой, вызывающей тошноту квартиры, так еще и этот местный Пинкертон, и по совместительству знаток человеческих душ, несет полный бред, а он этот бред слушает. – Он и его дружок, наркоманы, Левицкий. Их действия непредсказуемы. Они не отдают себе отчет. Ради дозы мать родную на куски порежут.

– Да, но...

Глаза следователя сузились, уголок рта задергался сильнее.

– Ваша задача, Левицкий, не домыслами заниматься и теории выдвигать, а обеспечить задержание подозреваемого. Думать и разбираться, теперь, будет следственная группа. Ясно?!

– Так точно, – распрямив спину и «вытянувшись по струнке», отрапортовал участковый.

– Давайте, забирайте его и поехали. Тут дышать нечем, – скривившись, сказал следователь.

Участковый кивнул подчиненным.

– Приходько, давайте задержанного в машину.

Молоденький полицейский с отвращением посмотрел на неподвижное тело предполагаемого убийцы. Никаких признаков жизни тот, за все время пребывания сотрудников полиции в комнате, не подавал.

– Товарищ капитан, а может он тоже того... помер...

Следователь издал странный звук похожий одновременно на металлический скрежет и на рычание.

–Приходько!– гаркнул участковый. – Берите его, и в машину!

–Есть!

Нехотя, подойдя к «кроватьи», оба молодых полицейских брезгливо сморщились.

–Товарищ капитан, он, кажись, обделался...

Капитан, краем глаза заметив, что алые пятна на щеках следователя сменились равномерно распределившейся по всему лицу зеленью, угрожающе посмотрел на младшего коллегу и процедил сквозь зубы:

–Сейчас ты у меня обделаешься. Возьмите тряпки,– он кивнул на, валявшееся на полу, рванье, –и бросьте на сидение. Как-нибудь довезете. Или ты хочешь в душ его сводить?

Видя, что следователь направился к выходу из комнаты, капитан направился за ним. Дышать в комнате и впрямь было нечем, хотелось скорее глотнуть свежего воздуха.

В заваленном хламом полутемном коридоре что-то загрохотало, и из-за обшарпанного шкафа с отломанными дверками показалась тощая, сморщенная старуха. Седые, спутанные космы торчали во все стороны, костлявая рука потрясала в воздухе довольно увесистой на вид клюкой.

Шедший впереди капитана следователь, от неожиданности замер на месте.

–Убирайся! – завизжала старуха и кинулась на следователя. – Убирайся!

Изливая на явно ошалевшего следователя потоки матер-

ной брани, старуха пыталась вцепиться в него скрюченными пальцами или стукнуть своей клюкой.

Оттолкнув старуху, следователь недобрым взглядом посмотрел на капитана.

–Сумасшедший дом какой-то! Успокойте ее!

Ловко ухватив извивающуюся старуху, продолжающую поливать служителей закона отборным матом, капитан довольно добродушно сказал:

–Хорош! В отделение захотела?– слегка встряхнув старуху, для острастки, он обратился к следователю: – Она ж сумасшедшая. Всю жизнь не в себе была, а к старости совсем из ума выжила.

–Так что она тогда тут делает? Ей самое место в сумасшедшем доме,– отряхиваясь и внимательно осматривая свой пиджак, возмущенно сказал следователь. – Старая ведьма.

Старуха не осталась в долгу и ответила на «старую ведьму» очередным потоком брани.

–А ну, хватит!– снова встряхнув ее, прикрикнул капитан. – Кто ж ее возьмет в сумасшедший дом? Кому она нужна-то? Бывает, когда совсем уж припадок, и соседи сильно жалуются, забирают ее. Подержат день-два и домой. Они ее даже назад сами привозят – знают, что иначе никто ее не берет.

–Еще та семейка...

Капитан усмехнулся.

–Да, семейка у них, как на подбор. Сын-то ее, отец наше-

го подозреваемого, так тот настоящий шизофреник был. Со справкой. А жена его, шалава была последняя, что при таком-то муже, может и не мудрено. Пила, потом к наркотикам пристрастилась. Ребенка колотила так, что он весь в синяках ходил, из дома выгоняла. Потом ее материнских прав лишили. Да толку-то... Вот и вырос он такой...

–Закройте ее в комнате и вызовите скорую. Пусть заберут ее,– холодно сказал следователь. Драматические подробности из жизни семьи подозреваемого его не интересовали.

–Все одно, завтра обратно привезут,– пожал плечами капитан. – Ну, да соседи хоть одну ночь спокойно поспят без твоих концертов. Правда, старая?– он подмигнул старухе и она, как будто только и ждала какого-нибудь сигнала, тут же разразилась очередной порцией ругательств. Капитан погрозил пальцем. – Цыц!

На следующий день капитан Левицкий, так до конца и не избавившийся от своих сомнений, чтобы как-то успокоить «внутренний зуд», решил прогуляться к дому задержанного Осипова. Сам не зная зачем. Просто для очистки совести, что, мол, хоть как-то попытался «прояснить» не дававший покоя вопрос. Ничего особенного узнать капитан не надеялся. Да к тому же, даже если что-то новое и всплывет, скорее всего, следователь его даже слушать не станет. Дело, считай, раскрыто. Охота была в поселке торчать. Ему, можно сказать, сказочно повезло – прямо в день совершения преступления взяли подозреваемого. И факты все указывают на его

виновность. А тут, вдруг, капитан, со своими сомнениями. Ясное дело, следователь только отмахнется. Но, так или иначе, а сходить к дому задержанного участковый решил твердо. Заодно узнать насчет бабки Осипова. Небось, медики уже привезли ее обратно. Полиция ее в больницу отправила или нет, а они все равно держать ее долго не станут.

Перед подъездом, в котором проживал предполагаемый убийца, возле своей машины суетился толстенький краснолицый мужичок, сосед подозреваемого, живший этажом выше, прямо над «нехорошей» квартирой, занимаемой неблагополучной семейкой.

– Бог в помощь, – сказал участковый, подходя к раскрасневшемуся как помидор, запыхавшемуся мужичку.

– Здорово, – буркнул тот, с сердитым видом покосившись на капитана.

– А я ведь в участок собирался сегодня идти, заявление писать. Распустили вы этих, всех. Житья никакого не стало, – вытирая кативший с него градом пот, сказал владелец машины.

– На счет чего заявление? Кого распустители? – уточнил капитан.

– Всех «этих»! Ублюдок этот, Генка Осипов, радиолу у меня вчера из машины спер. – Мужик злобно сверкнул глазами. – Небось, продал кому-нибудь на трассе, гнида, что бы дозу себе купить, тварь. Житья никакого нет от них всех... – автовладелец прибавил пару нецензурных слов и сплюнул.

–Радиолу? Так, а чего же ты передумал заявление писать?– внимательно глядя на соседа, распущенного полицией Генки Осипова, спросил капитан. Мужик был не из тех, кто пускает такие дела на самотек и машет рукой.

–Так чего писать-то? Вы ж его сами вчера забрали. Посадят за убийство. А радиолой-то теперь никто и заниматься не станет. Деньги-то мне по любому не вернут, так что я и решил не идти. Чего время зря тратить? Да и хрен с ней, с радиолой,– проявив неожиданное великодушие, с каким-то злорадным торжеством сказал мужик. – Главное, что уroda этого упрячут теперь. Здесь его больше не будет.– Мясистые губы растянулись в злобной усмешке. – Еще б бабка его полонумная богу душу отдала поскорей, и совсем бы красота была.

–Грех, вроде, так вот человеку смерти-то желать...

–Грех?! Да ты бы сам пожил с ними в одном подъезде-то. Я б посмотрел на тебя, чего бы ты им тогда пожелал, обоем, – возмутился сосед. – Это ж каждую ночь крики, вой, как будто у них там дикие звери. Старая дура, мало что орет и завывает, что аж жуть берет, так еще железяками какими-то по батарее стучит по полночи. И Генка все дружков своих обдолбанных сюда приводил. В подъезд зайти страшно. А вы, полиция, глаза на все закрываете, вам все равно, – он с упреком посмотрел на капитана и почти с угрозой добавил, – вот и дозакрывались, теперь расхлебывайте. По головке-то, наверное, вас теперь не поглядят.

–Ну, что ж нам, расстреливать, что ли, таких как он?– пожал плечами капитан. – Когда поступали сигналы, мы и Генку забирали, и дружков, если и впрямь было за что. И бабку в больницу отправляли. От нас же не зависит, что ее из больницы-то сразу назад привозят. Небошь, опять уже привезли?

–Привезли,– буркнул мужик. – Ходит, гремит, к ночи готовится, старая стерва.

–А когда, говоришь, Генка радиолу-то у тебя украл?

–А я знаю. Я как с ночи пришел, пошел к теще, будь она неладна. Она уж давно пристала, что кран у нее течет, всю плешь проела. Ну, вот я и пошел, поменял, чтоб отстала от меня. А домой возвращался, смотрю, а у машины дверь открыта. Подошел – радиолы нет. Сосед сказал, что видел, как Генка тут отирался возле машин-то. Ну, я к нему. Собирался рожу разбить этой паскуде. Бабка дверь не открывала, но, после того, как я пригрозил, что сейчас выломаю ее к чертовой матери, она ж у них на одном гвозде держится, все же открыла. Я к Генке в комнату, а он в отрубе, на полу спит, обколотый значит. Ну, я понял, что он радиолу-то уже продал, на трассе кому-нибудь всучил по дешевке, лишь бы на дозу хватило. Я поорал, бить его не стал, что толку-то, он меня даже не заметил.

–А во сколько ты к нему заходил?– пристально глядя на лишившегося радиолы мужика, спросил капитан.

–Да черт его знает. Часов десять, может, пол одиннадцатого было. Я у тещи долго провозился с этим ее краном. Она,

правда, потом угостила меня, в благодарность, значит, за работу.— Почесав в затылке, он добавил: — После Генки я домой пошел. Без десяти одиннадцать было. Я когда в квартиру вошел, жена заорала: «Где тебя носит? Время без десяти одиннадцать».

—Если Генка в половине одиннадцатого уже укололся и спал, значит, он не убийца. Профессора убили после одиннадцати. Соседка видела, как он в 10-45 шел по дороге к лесу. Так что тебе нужно показания дать.

Сосед наркомана посмотрел в глаза участкового тяжелым взглядом.

—Знаешь, Иван Федорович, если этот наш с тобой разговор официальный — то я ничего не знаю, и ничего писать не буду. А если это просто разговор двух знакомых — да пусть на него хоть все преступления повесят, какие есть, главное чтоб посадили эту тварь, и больше его тут не было. Ясно?

—Но он же не виновен. Осудят его, а убийца будет разгуливать на свободе. Ты потом как сам-то жить будешь, зная, что посадили невиновного, а ты ничего не сделал, чтобы этому помешать?

—А мне плевать. И нечего меня совестить!— Глаза у собеседника капитана стали холодные-холодные. — Да, и вы же все равно никого другого не поймаете,— он презрительно улыбнулся. — Вы с кучкой обдолбышей и с сумасшедшей старухой-то справиться не можете. Если этого ублюдка, капитан, не посадят, так рано или поздно кто-нибудь не выдер-

жит и сам его убьет и потом за эту тварь сядет. Нет. Ничего я писать не стану и точка. И нечего меня таким взглядом сверлить. Тоже, праведник нашелся.— Мужик распрямил плечи и с вызовом посмотрел на капитана. — Сначала порядок наведите, а уже потом от людей требуйте по совести поступать.

Повернувшись к машине и продолжив прерванное, при появлении участкового, занятие, он дал понять, что разговор окончен.

—И предупреждаю, если мне какая повестка придет или еще что, я все буду отрицать. А то я тебя знаю,— донеслось, до успевшего дойти до угла дома, капитана.

«Да, дела...»,— мрачно думал Ливицкий, шагая по дороге в сторону участка. «И ведь не сделаешь ничего...»

Глава 3

8 августа 2010 года в зале суда, где должно было проходить слушание по делу об убийстве профессора истории, более тридцати лет преподававшего в местном университете, Ивана Станиславовича Подгородецкого, собралось непривычно большое количество людей. Вообще, администрация города с удовольствием бы предпочла, чтобы заседание было закрытым. Все же дело об убийстве, да еще о двойном. И тот факт, что на скамье подсудимых будет сидеть наркоман, человек, так сказать, из «группы риска», один из тех, кто изначально несет потенциальную угрозу другим членам общества, был неприятен во всех отношениях. В случае чего всех собак повесят на кого? На тех, кто не уследил, допустил и т.д. А разве чиновники могут уследить за всем и за всеми? А чуть что, так спрос с них. Но профессор был личностью известной. Пользовался уважением коллег, студенты его любили и даже из Москвы какие-то там занимающиеся научной деятельностью товарищи приехали, почтить память погибшего коллеги. Одним словом, запретить желающим увидеть собственными глазами как справедливость восторжествует, и преступник получит заслуженное наказание, было себе дороже. Пойдут ненужные разговоры, любители повозмущаться и покляузничать, начнут «строчить доносы». А кто его знает, как на все это отреагируют там, «наверху».

Когда тяжелые двери зала заседаний распахнулись, и охрана ввела подсудимого, на всех лицах, ожидающих отлучения людей, появилось выражение брезгливого отвращения и злобы. Тот, кого вели к скамье подсудимых, был недостоин даже дышать одним воздухом вместе с нормальными людьми. Он был жалок и мерзок. Противен всем. Абсолютно всем, без исключения. И у каждого из присутствующих, в той или иной интерпретации мелькнула мысль «И вот это мерзкое создание, это отвратительное существо лишило жизни такого человека?!» И мысль эта возмущала, заставляла недоумевать, наполняла окружающее пространство лютой ненавистью. И еще до того как заседание было официально объявлено открытым, мысленно уже был вынесен единогласный приговор – виновен.

Когда судья, тихо и невнятно зачитав статьи, по которым подсудимому предъявлялись обвинения, произнес, наконец: «Суд приговорил считать виновным», присутствующие даже не испытали радости и удовлетворения. Они знали о виновности обвиняемого все то время, что длилось слушание. Они были уверены в ней и уже успели привыкнуть к своему знанию. Те несколько дней, что шло заседание, показались им из-за этого еще более скучными и бессмысленными. Напрасной тратой времени и государственных средств на соблюдение законности. Виновен. Какие могут быть нужны доказательства – достаточно взглянуть на этого человека, вернее на это существо, которое, возможно, когда-то и было чело-

веком, а теперь это дикий зверь, которого нужно держать в клетке, изолировать от общества и всех подобных ему тоже. Они все виновны. Они все несут угрозу жизни, благополучию. Они чума, зараза, с которой нужно бороться яростно и непримиримо.

Руководством университета было принято решение установить мемориальную доску с именем профессора Подгородецкого, торжественное открытие которой, состоялось в начале нового учебного года.

В конце сентября, после окончания очередного, наполненного непосильными трудами и заботами рабочего дня, чиновник городской администрации, возглавляющий отдел ведающий делами по вопросам молодежи и подрастающего поколения, возвращался домой, естественно, очень усталый. Чиновник был в дурном настроении. Весь день его донимали дурацкими звонками и, что еще неприятнее, личными посещениями всевозможные представители учебных учреждений, спортивных секций, детсадов и даже из детской больницы приперлись две тетки. Видите-ли, им нужно организовать игровую комнату для детей, чтобы им не так скучно было лежать, пока их лечат, за государственный, между прочим, счет. А то, что к детской больнице он никакого отношения не имеет и подобными вопросами занимается отдел здравоохранения теткам даже в голову не пришло. И всем, всем что-то нужно. Только и слышно: «Дайте то, сделайте

это, обеспечьте тем-то». Учебные пособия, мебель, спортивный инвентарь, средства на проведение культурно-массовых мероприятий. А где их взять средства на все это? Нет этих самых средств. И не будет. И ведь умные все. Сразу и про бюджет и про законы начинают что-то там говорить. И про вышестоящие инстанции. Все здоровье положишь с такой работой.

Сверкающий чистотой лифт бодро доставил великого труженика и страдальца на семнадцатый этаж элитной новостройки. Квартира была приобретена совсем недавно, так, что хватало проблем еще и с благоустройством собственного гнезда. Обставить восемь комнат, оборудовать три ванных, застеклить хорошими стеклопакетами, а не теми, что установили при постройке дома, и утеплить четыре лоджии, это вам не шутка, между прочим. Денег нужно о-го-го! Да еще кухня двадцать пять метров – пространство-то нужно чем-то заполнять. Не в голых стенах еду-то готовить. А это все опять же деньги. И какие деньги. В общем, кругом одни проблемы.

Тяжело вздохнув «слуга народа» открыл тяжелую входную дверь квартиры. Ноздри уловили, шедший из кухни, умопомрачительный запах свежесваренного борща. Чиновник жадно сглотнул, почувствовав, что страшно проголодался и, швырнув портфель и куртку на выложенный мраморной плиткой пол, направился в столовую.

–Мы есть сегодня будем?– рыкнул он в сторону кухни, от-

куда неслись сводящие с ума ароматы.

Побарабанив по гладкой поверхности стола из итальянского ореха, рассчитанного на двенадцать персон, он нетерпеливо повторил свой вопрос. «Корова! Чего она там застряла?»— разглядывая затейливую резьбу, идущую по краю столешницы, сердито подумал он, изнемогая от голода. Тут же вспомнилось во сколько ему обошелся стол и остальная мебель для столовой, сделанная на заказ на родине того самого ореха из которого они были изготовлены. Вместе с доставкой, сумма получилась астрономическая. Но жена тогда уперлась и так ему надоела с этой мебелью, что он, в конце концов, сдался. А все эта ее чертова подружка-дизайнерша со своими советами. Она советует, а платит он...

Из кухни выплыла жена, покачивая пышными бедрами, плавно «перетекая» своим объемным телом в пространстве. Грудь, выдающаяся далеко вперед, гордо высилась над подносом, уставленным тарелками с едой. «Корова!...»— неприязненно глядя на жену, в очередной раз, подумал чиновник. Сколько денег угробила на фитнесы, какие-то там обертывания, обмазывания, личных тренеров и прочую ерунду, а толку ноль. Только еще сильнее вширь прет, скоро в слона превратится. Перед глазами встала гибкая, стройная секретарша Лиля. Кожа упругая, гладкая, попа как орех... Чиновник, совсем некстати, почувствовал, как его охватывает возбуждение. Отогнав мысли о соблазнительной секретарше, чтобы отвлечься он отломил кусочек ржаного хлеба и начал жевать.

–Чего, ждешь пока я с голода подожду?– грубо сказал он жене. Как ни странно, жена на грубость ни как не отреагировала и молча поставила перед ним тарелку с борщом.

–Ложку-то дай, или я руками есть должен?– жадно вдыхая аромат, идущий из тарелки, проворчал он.

Вместо ложки на столе появилась газета.

–На, вот, почитай,– с ехидной ухмылкой сказала жена. Чиновник поднял на супругу тяжелый взгляд.

– У тебя совсем мозги жиром заплыли?

Жена хмыкнула и посмотрела на него с вызовом.

–Теперь вас всех прижмут. Слетите со своих мест,– качая головой как китайский болванчик, в подтверждение своих слов, она хрипло рассмеялась. Необъятное тело заколыхалось. – Почитай, почитай...

Она потыкала кроваво-красным ногтем в газету.

–Пятая страница... Ох, теперь вы попляшете.

Чиновник хотел швырнуть газетой в жену, но на ее смеющемся лице было такое торжество, что немного поколебавшись, он все же развернул газету на указанной ею странице. Дура-то она дура, но с чего-то же она ему ее притащила и еще и несет непонятно что...

Газета, кстати, была не местная, а московская. Где только жена ее взяла-то. «Откуда приходят монстры?». Название статьи глупее не придумаешь. Если бы в первой же строке статьи не фигурировало название их города, газета точно отправилась бы жене в физиономию, вместе с идиотской ста-

тзей.

«Некоторое время назад, по служебным делам, я побывал в г. ... После традиционного знакомства с достопримечательностями, один из местных коллег предложил побывать на заседании суда. Предложение неожиданное, и я признаться даже растерялся. «Будут судить нашего местного монстра», – пошутил коллега, показывая местную газету с небольшой статьёй, посвященной предстоящему процессу. Время позволяло, и я согласился.

«Монстр – фантастическое существо огромных размеров, необычного строения. Это что-то пугающее, таящее угрозу, представляющее опасность для других живых существ. В переносном смысле мы называем монстрами людей необыкновенно дурных нравственных качеств». Так трактует это понятие Википедия. Разумеется, того, кто, преследуя какой-либо умысел, личный мотив, намеренно отнимает чужую жизнь, можно считать монстром. Не придуманным, фантастическим существом, а вполне реальным. Того, кто сидел в нескольких метрах от меня на скамье подсудимых, обвиняли в убийствах двух человек, совершенных ради одной дозы наркотиков. Всякий раз, слыша истории о подобных преступлениях, каждый из нас задается примерно одними и теми же вопросами. Почему мир, в котором мы живем, так страшен и жесток и человеческая жизнь стоит в нем так мало? И откуда берутся монстры, делающие его таким страшным? Ответ, дамы и господа весьма прост. Подобные

монстры не приходят в наш мир сами по себе, не являются ниоткуда, как в фантастических историях – мы сами создаем их. Мы, добропорядочные, законопослушные граждане, считающие себя приличными, хорошими, не чуждыми добродетели людьми, порождаем чудовищ. По крайней мере, подавляющее большинство из них. Даже не отдавая себе в этом отчета.

Сидя в зале суда, я смотрел на человека нарушившего главную заповедь – не убий, и видел перед собой не чудовище, не безжалостного, хладнокровного убийцу, с вызовом взирающего на тех, кто судит его. Ухмыляющегося нарочито нагло и даже устрашающе, не испытывая при этом ни малейшего раскаяния или сожаления по поводу содеянного. Подсудимый не походил на опасного, дикого зверя, который, оказавшись на свободе, непременно снова сделает что-то страшное и будет при этом наслаждаться чужой болью, чужими страданиями. Этот монстр был совсем другим. Он вызывал если не сочувствие, то жалость. Он сам был жертвой.

Таких, как он, прекрасно представляет себе, каждый из нас. Мы сталкиваемся с подобными типами практически каждый день на улице, в переходе, возле подъезда. При взгляде на них, мы непроизвольно покрепче прижимаем к себе портфели, сумки, опускаем руки в карманы, хватаясь за лежащие там бумажники. Мы ускоряем шаг, стремясь побыстрее пройти мимо, оставить неприглядное, оскорбляю-

щее нашу цивилизованность своим омерзительным видом зрелище. Мы испытываем чувство брезгливости, смешанное со страхом. Мы ничего не желаем знать о них, об их жизни. Подобные «существа», именно так мы их про себя называем, нам отвратительны. Мы не желаем соприкасаться с ними, ни коим образом. Они нам противны. Опустившиеся, конченные люди. Отбросы общества, ничтожества, пьяницы, наркоманы, негодяи, воры, убийцы. Те, кто перешел грань, оказался на самом дне и способен на все. Утратившие все человеческое твари, несущие угрозу. «Кошмар! Ужас!» – мы стараемся стереть из памяти само знание о существовании подобных людей, потому, что оно оскверняет нас, наш образ жизни, нашу благопристойность. Эти существа чужие для нас. Они принадлежат к другому миру, гнусному, грязному, отвратительному. Но при этом они нагло и бесцеремонно вторгаются в наш, подобно страшной, смертельно опасной заразе. Что с ним делать? Как оградить себя, как избавиться от этой чумы? Как обезопаситься? Ответ, снова прост. Нужно перестать создавать их.

Как и в какой момент, маленький мальчик, который, как и все остальные дети играл, лепил куличики из песка, гонял по двору мяч с приятелями, мечтал о чем-то, превратился в человека с пустотой во взгляде и внутри себя. Когда именно он стал тем, для кого не осталось абсолютно никаких желаний и стремлений, кроме одного – добыть очередную дозу, любой ценой. И ради достижения этой единственной цели

он превратился в монстра, отнимающего чужие жизни. Этот путь, пройденный им к перерождению в чудовище, практически не отличается от пути всех, кто по воле судьбы находился в таких же условиях с момента своего появления на свет. Большая часть тех, кого общество отвергает, причисляя их к отбросам, к опустившимся, потерявшим человеческий облик и все представления о нравственности, начинает «катиться вниз» в тот момент, когда впервые сталкивается с равнодушием этого самого общества. То есть еще в раннем детстве. Ребенок из неблагополучной семьи почти всегда, начиная с самого невинного возраста, причисляется окружающими к разряду тех, из кого ничего толкового не получится, его судьба предрешена заранее «по праву рождения». И не стоит ждать от него ничего кроме повторения судьбы его родителей. Отец пьет, имеет судимость, мать тоже алкоголичка, значит и ребенок пойдет по их стопам. Будущий пьяница, наркоман, вор, бандит. Все. На маленьком человечке, еще даже не успевшем раскрыть свой потенциал, понять какие у него способности, какие стремления, поставлен крест. Его заклеямили, причем те, кому он доверяет, к кому тянется в силу своего возраста – взрослые люди из его окружения: соседи, родители друзей, собственные родители и родственники, воспитатели, педагоги. Еще можно остановить процесс, проявить понимание, участие, дать ребенку, возможно более трудному в воспитании, чем дети из нормальных, вполне благополучных семей, немного тепла и заботы, которых он

лишен. Протянуть руку, попытаться спасти его и заодно избавить общество от появления еще одного монстра. Но, нет. Соседи, дальняя родня, отмахиваются. Если родителям плевать, пусть специальные службы им занимаются. Они должны, это их работа. И должны, и работа. Но сотрудники подобных служб, зачерствевшие, «выгоревшие» изнутри в процессе своей деятельности, а возможно, и изначально равнодушные ко всему, выполняют необходимые формальности, только чтобы можно было написать что-то в отчетах, которые от них постоянно требуют вышестоящие инстанции. Еще более равнодушные, даже не представляющие себе ни самих детей, о которых идет речь в предоставленных подчиненными отчетах, ни условий их жизни.

Всем намного проще отмахнуться. Зачем растрчивать силы впустую. Не выйдет из такого ребенка ничего толкового и точка. Вон, сколько их таких. И каждый из отмахнувшихся, не просто «остался в стороне», как считает он сам. Он подтолкнул маленького человечка к той пропасти, откуда вернуться назад практически невозможно. Кто-то из «отверженных» уходит в себя, замыкается, страдает и постепенно может озлобиться. Возможно, эта внутренняя злоба так никогда и не проявится, не выйдет наружу, но человек будет жить с ней, чувствовать ее в себе и от того будет несчастен. Кто-то, их мало, но они все же есть, окажется достаточно сильным и преодолеет «неприятие» общества, сможет удержаться и не свалиться вниз, а наоборот, подняться, ве-

сти нормальный образ жизни и преуспеть. А кто-то просто последует установкам данным ему и превратится в того, кем ему и предрекли быть – в бандита, пьяницу, наркозависимого.

Двадцатисемилетний подсудимый Геннадий Осипов, прошел свой путь от никому не нужного, недополучившего любви и тепла ребенка из неблагополучной семьи до монстра, с молчаливого согласия общества. Окружающие его люди равнодушно наблюдали за этим превращением, не делая никаких попыток вмешаться, попробовать спасти рушащуюся жизнь. Из четырех дней, что занял процесс, я побывал в зале суда трижды. Можно было не ходить уже после первого дня. Все было ясно с самого начала. Подсудимый виновен и будет осужден. Тем более, линия защиты, скажем прямо, вообще отсутствовала. Адвокат сидел с отсутствующим видом, подзащитный был ему не интересен и противен, как и всем остальным. Но меня влек в зал суда не сам процесс. Меня не отпускало лицо подсудимого. Эта отрешенная пустота, полное равнодушие к происходящему, к собственной судьбе. Но сам я больше не хотел быть равнодушным, одним из тех, остающихся в стороне. Мысленно я был с ним рядом, на скамье подсудимых. Мое место было именно там. Потому, что мы все, все общество в целом, виновны и приговор должен был быть оглашен для нас всех.

Давайте попробуем оглянуться вокруг. И попробуем не отводить по привычке, как можно скорее, свой взгляд от

неприятных вещей, а рассмотрим их пристально и внимательно. Я не призываю начать попытки заняться «перевоспитанием» всех подозрительных личностей, встречающихся на нашем пути. Тех, кто уже «на дне», скорее всего, пытаться перевоспитывать возвращать к нормальному образу жизни уже поздно. Превращение произошло и обратной силы, как в сказках, к сожалению, уже не имеет. Вполне возможно, что подобные попытки могут быть даже опасны. Люди, прожившие достаточно долго в том, отличном от нашего, мире и приспособившиеся к его законам, имеют совсем другие представления о жизни, о нравственности и о границах дозволенного. В том мире они вынуждены выживать и понятия о морали и порядочности стираются, как мешающие процессу выживания. В данном случае, остается только сожалеть о сопричастности к тому, что общество, то есть мы с вами, обрекло их стать изгоями, париями. Тут уж ничего не поделаешь, мы все виновны и это наш крест. Но можно обратить свой взгляд на тех, кто еще только начинает свой жизненный путь. Кто еще не успел дойти до той точки, где начинается процесс превращения, окончательного и бесповоротного. Проявим немного человечности, сострадания и участия. Перестанем ставить клеймо, на тех, кто, возможно, рожден для чего-то великого, прекрасного, для того чтобы сделать этот мир лучше. Или пусть даже просто для того, чтобы стать хорошими, порядочными людьми – это ведь тоже совсем немало. Дадим им шанс. Протянем руку и не дадим

шагнуть в никуда. Мы уже создали столько монстров, что если не остановиться, очень скоро именно они превратятся в подавляющее большинство, и тогда париями и изгоями станем мы сами. И выжить в этом мире, нам изнеженным, эгоистичным, привыкшим к благополучию и комфорту, будет чрезвычайно трудно, а вполне вероятно, и просто невозможно.

И отдельный призыв, даже требование, я обращаю к «слугам народа», имеющим необходимые полномочия и по роду своей деятельности обязанным оказывать помощь подрастающему поколению, направлять его, помогать расти и развиваться, становиться самодостаточными и полезными для общества людьми. Возьмитесь, наконец, за дело, оторвитесь от нескончаемого процесса набивания собственных карманов. Новые дома, яхты, машины, драгоценности для жен, дочерей и любовниц подождут. Начните заниматься тем ради чего вы вообще сидите в своих креслах – проблемами граждан своей страны, улучшением их жизни. Ведь именно ради них вы и сидите на своих местах, именно для их блага вы должны трудиться. Наплевав на свои обязанности, именно вы, в первую очередь, ответственны за то, что общество, наделившее вас вашими полномочиями, наводнили монстры. И вы сами, не думая ни о чем кроме собственной выгоды, превращаетесь в монстров, еще более страшных и опасных чем те...»

«Вот, урод!» – чиновник с раздражением покосился на жену, застывшую рядом с ним, очевидно в ожидании его реак-

ции. «Дура!»,— злобно подумал он и уже хотел отшвырнуть газету, наорать на жену и поесть, наконец. Идиотская статья. Журналиoge заняться нечем, вот и пишет всякую чушь. А эти уроды, там, в Москве, эту чушь печатают. Видно больше нечего. Из пустого в порожнее переливают, мусолят одни и те же темы. Тут, взгляд его непроизвольно скользнул по тексту чуть ниже, и он застыл, вращая выпученными глазами и открывая рот, как выброшенная на берег рыба.

Дальше писака приводил статистику. Сначала тоже шла одна ерунда – какой процент неблагополучных семей в различных регионах России, и на сколько он каждый год увеличивается и бла-бла-бла. Дальше данные по росту преступности, и сколько среди тех, кто совершает преступления наркозависимых. Тоже фигня. Потом, как же без этого, данные по наркозависимым и на сколько увеличилось число несовершеннолетних наркоманов и т.д. и т.п. В общем, тоже сплошное пустословие и ерунда. Цифры, конечно, довольно удручающие, но все давно к этому привыкли. Никому и дела нет. Поразила специалиста по вопросам молодежи и подрастающего поколения, шедшая в самом конце на удивление подробная, а главное, абсолютно точная информация не о наркоманах, преступниках и других отбросах общества. А о том, сколько и когда было выделено бюджетных средств, для постройки учебных, научно просветительских, спортивных и развлекательных объектов для молодежи и для населения в целом именно для их города и близлежащих к нему

районов. И сколько на самом деле было истрчено этих денег, по назначению, фактически. И это тоже бы еще ничего, хоть разница в суммах и была, мягко говоря, заметной. Но дальше паскудный бумагамарака приводил подробный перечень домов, машин, квартир и других крупных и очень крупных приобретений и трат, сделанных чиновниками, которые в той или иной степени отвечали за распределение этих самых выделенных на строительство, благоустройство, культурно-массовую и просветительскую работу средств. И его квартира с указанием площади и точной стоимости, а также суммы, потраченные на ремонт и покупку мебели и даже новая шуба купленная жене, фигурировали в проклятом списке. Никаких имен не называлось, но суммы, площади и прочие подробности, приведенные в списке, очень ясно указывали, по крайней мере, знающим людям, на совершенно определенных лиц из администрации города, а заодно, являлись доказательством невероятной осведомленности автора статьи в этом вопросе. А значит, все они под колпаком. Журналуге известно все, абсолютно все про каждого из списка. И в любой момент... можно ждать... Чего угодно. На лбу выступили холодные капельки пота, а в легких, казалось, не осталось воздуха. Издав, хрюкающий звук, чиновник отшвырнул проклятую газету.

—Паскуда! Тварь!...— хватаясь за грудь и массируя ее в области сердца, просипел он.

Стоявшая до этого неподвижно жена ухмыльнулась.

–Поешь борща-то,– придвигая тарелку, сказала она с при-
творным участием. – В тюрьме-то, наверняка, какой-нибудь
баландой кормят. Небось, шляха твоя, секретарша, передач-
ки тебе носить не станет, да и другие потаскухи тоже.

Ее тело заходило ходуном от смеха.

–Заткнись!– заорал чиновник, отталкивая от себя тарел-
ку. Содержимое выплеснулось на отполированное итальян-
скими мастерами дерево и растеклось темно-бордовой лу-
жей.

–Интересно, сколько тебе дадут?– не унималась жена. – В
прежние-то времена, ясное дело, просто расстреляли бы, за
«в особо крупных размерах».

Вскочив со стула, он бросился к ней и прошипел прямо
в лицо:

–Заткнись, дура! Если меня посадят, ты с голой жопой
останешься. Все, все это, – он обвел дрожащей рукой столо-
вую, – заберут, идиотка!

–Да и пусть!– запальчиво крикнула жена, уперев руки в
необъятные бока. – Зато, хоть поживу нормально. Кобелина
чертов!

–Не волнуйся, и тебя в стороне не оставят. Ты, когда тряп-
ки чемоданами покупала, не думала, откуда деньги? Пять
шуб в шкафу висит. Когда тебя спросят, скажешь, в комис-
сионке купила? Пойдешь как соучастница, не волнуйся. И
сынوك наш, обалдуй из университета мигом вылетит. Его там
держат только из-за того, что я им отстегиваю регулярно.

Пойдет улицы мести, потому что ни для чего другого он не пригоден.— Чиновник торжествующе посмотрел на побледневшую жену. — И наезд на старушку, кстати, тоже может всплыть и тогда все вместе, всей семьей на зону-то отправимся.— Он злобно расхохотался.

Жена всхлипнула и обессиленно опустилась на стул.

—Говорила мне мать не выходить за тебя замуж. Что не будет мне с тобой счастья, — печально сказала она.

—Единственный раз старая ведьма что-то дельное сказала, и то ты, дура, не послушала,— огрызнулся чиновник. Нужно было срочно обдумать сложившееся положение. Статья явно заказная. Что теперь делать? Жена со своими глупыми разговорами мешала ему сосредоточиться. В голове мелькнула мысль: «А может, с повинной пойти. Чистосердечное... предложить информацию, а в обмен потребовать иммунитет». Хотя, судя по всему, информации у тех, кто статью заказал и так предостаточно. Что же делать? Что?!

—Ты где газету взяла?— повернувшись к жене, спросил он.

—Сестра прислала. Мол, почитай про муженька своего.— Она снова всхлипнула.

—Ты же говорил, что Вадику ничего не будет,— губы у нее задрожали, — сказал, что та история со старухой улажена.

—Улажена,— буркнул чиновник. — Дело закрыли. Но в свете последних событий могут и поднять. Теперь всего можно ожидать.

Он направился к выходу из столовой. Нужно было позво-

нить важным людям. Нельзя сидеть, сложа руки. Может, еще как-нибудь удастся выйти из этой ситуации, как говорится, с меньшими потерями.

Проводив мужа взглядом, жена чиновника тоненько завывала. Вот ведь ужас-то. Вот ведь горе какое!

Первые дни после выхода проклятой статьи были наполнены тревожным, сводящим с ума ожиданием. Вот-вот разразится буря, нагрянут комиссии, проверки, начнутся репрессии. Полетят чиновничьи головы. Бессонные ночи сменялись тягостными днями в ожидании страшной неизбежности. Сытые, гладкие лица осунулись, посерели, под глазами залегли темные тени, от прежней привычной самоуверенности не осталось и следа, в потухших глазах безысходность и страх.

В срочном порядке были предприняты все возможные меры, хоть как-то «улучшающие положение», показывающие ситуацию, хотя бы немного, но в лучшем свете. Всем ветеранам, а также одиноко проживающим пенсионерам были выданы «внеочередные» продуктовые заказы.

Во всех образовательных учреждениях были прочитаны лекции о вреде наркотиков. И под лозунгом «Скажем наркотикам нет!» были проведены несколько спортивных мероприятий для молодежи, а также спортивный семейный праздник.

Нескольким малообеспеченным семьям, стоящим на оче-

реди уже не первый десяток лет, город выделил жилье.

Был утвержден, план реконструкции дома культуры, который, уже в течение нескольких лет, тормозили из-за недостатка средств, и уже на следующий день бригада рабочих принялась «реконструировать» вконец обветшавшее здание. А также, возобновилось «замороженное», опять же по причине отсутствия средств, строительство бассейна, и детского сада и начальной школы в одном из близлежащих к городу поселков.

За две недели полезных и добрых дел для горожан и жителей района, выполненных реально, а не просто фигурирующих на бумаге, исключительно для отчетности, набралось гораздо больше, чем за последние десять лет. Денег не жалели, сэкономить, урезать, недодать на этот раз не пытались, потому что лучше уж раскошелиться и разок немного потратиться, чем потом сидеть.

Время шло. Работа на стройках шла бесперебойно – стройматериалы подвозили вовремя, никаких задержек и проволочек с согласованиями и подписаниями бумаг не было. В школах дети учились по новеньким учебникам, сидя за новыми партами. В детской больнице маленькие пациенты с удовольствием проводили свободное от процедур и осмотров время в отлично оборудованной игровой комнате. Из столицы ни комиссий, ни даже каких-либо распоряжений о предоставлении финансовой отчетности для проверки не было. Все было как всегда, за исключением кипучей деятель-

ности всех служб, призванных улучшать жизнь горожан.

Поначалу молчание Москвы пугало, заставляло думать, что все еще страшнее и там, «на верху» готовятся нанести сокрушительный удар, который сметет всех одним махом. Грядет полная кадровая перестановка. А всех кого уволят, прямиком к следователям. По прошествии нескольких дней в прединфарктном состоянии, вязкий, выматывающий душу страх, сменился недоумением и даже раздражением. Тянут время, измором берут, ждут, когда у всех нервы сдадут и тогда разом всех и согнут в бараний рог.

А через две недели, после появления злополучной статьи, стало ясно, что никакого заказа «сверху» не было. Журнала-гадина, сам расстарался. Просто, такая любознательная сволочь попалась. Все разнюхал, все выведал. Не постеснялся на честных людей напраслину возвести, разволновал. Убивать таких паразитов нужно.

Поиски «крысы», слившей информацию бумагамараке ничего не дали. «Предателя» не нашли, но урок был получен. Впредь каждый старался обтяпать свои делишки, как можно незаметнее. Когда не знаешь, с какой стороны тебя могут подставить, перестаешь доверять всем.

Постепенно все успокоилось и пошло своим чередом, как обычно, без сюрпризов. Незадолго до нового года, капитан Ливицкий передал в жилуправление поселка, присланные из колонии бумаги, свидетельствующие, что проживавший в поселке Геннадий Сергеевич Осипов, отбывавший у них, в

соответствии с приговором суда, наказание, 5 декабря 2010г. скончался. Причиной смерти была указана острая сердечная недостаточность.

Председатель жилуправления, спрятал бумаги в сейф и поспешил по своим делам домой, недоумевая, отчего так мрачен и, кажется, даже зол участковый. Новый год на носу, праздники, а он мрачнее тучи, как будто это не наркоман Генка помер, а кто-то из его родни. Чудак человек.

История с убийством профессора Подгородецкого, казалось, теперь уже окончательно навсегда осталась в прошлом.

Часть 2

Хищники, жертвы. Особенности и способы выживания

Глава 1

Ноябрь 2017г. Москва.

Нестерпимый жар наполнил собой все вокруг. Языки пламени ползут вверх по железной переборке, краска под ними вздувается уродливыми пузырями. Огонь распространяется, надвигается на мечущихся, задыхающихся от едкого дыма людей, норовя дотянуться до уязвимых человеческих тел своими смертоносными щупальцами. Раскаленный воздух выжигает легкие, невозможно сделать хоть один вздох... Андрей подскочил. Пот, стекающий по лицу и по груди ручьями, промочил футболку насквозь. Пошарив в темноте, он включил, стоявшую рядом с диваном лампу.

– Черт!...

Сняв мокрую футболку, он поплелся в ванную.

Порыв ветра швырнул в лицо очередную порцию мокрой мешанины дождя и снега. Подняв воротник куртки, Андрей рысцой припустил в сторону дома. Обогнув угол супермаркета, он едва не налетел на маленькую фигурку, идущую впереди него и сгибающуюся под тяжестью здоровенных пакетов, доверху наполненных продуктами. Женщина, тащившая половину всего, что имелось в супермаркете, на фоне своих сумищ, казалась совсем худенькой и хрупкой. Эта странная любовь жительниц столицы превращать себя во вьючных

животных была совершенно непонятна Андрею и очень его раздражала. В Москве магазины на каждом шагу. Что стоит сходить два раза и не надрываться? Впрочем, и сам город, наполненный машинами, хмурыми, озабоченными лицами его тоже раздражал. Все куда-то спешат, всем плевать на все кроме собственных проблем.

– Федя! Вылези из лужи и брось эту гадость! Федя! Федор, немедленно!!! Ты меня слышишь?!

Помимо стратегического запаса продуктов, женщина являлась еще и счастливой обладательницей худенького вертячего мальчишки, лет шести-семи, который явно не давал своей матери ни на секунду не заскучать, не расслабиться. Размахивая полупустым пакетом, врученным ему в воспитательных целях, мол, он – мамин помощник, и зажатой в другой руке, толстой корявой палкой, которой он выуживал из луж всевозможные предметы, мальчишка после очередного окрика своей матери бросал «эту гадость» и тут же нырял в очередную лужу, за следующей. Активно орудуя в грязной воде и своей палкой-удочкой и непосредственно рукой.

–Федор! Брось!!! Да что ж за наказание!... Подойди сюда!– в голосе послышалось раздражение и отчаяние.

–Девушка!– догнав мать несносного мальчишки, рявкнул Андрей, чуть ли не вырывая у нее из рук пакеты. – Давайте я Вам помогу...

Удивленное, непонимающее лицо повернулось к нему. Андрей слегка напрягся, в ожидании ставшей уже привыч-

ной со стороны посторонних реакции, при виде его лица, вернее его изуродованной шрамами половины. Обычно люди в первую секунду смотрели со страхом, порой с отвращением, а потом отводили глаза, делая вид, что все в порядке. У воспитанных людей не принято, открыто пялиться на чужое уродство, они делают это незаметно.

Обладательница сумок, естественно, заметила, потому, как не заметить такое можно только будучи слепым. Тонкие брови слегка нахмурились, а губы едва заметно изогнулись, но вместо того, чтобы «сделать вид» и отвернуться она перевела свой взгляд на его глаза. У нее самой глаза были серые, большие. И, как показалось Андрею, немного грустные. Может, просто усталые.

—Разве можно такую тяжесть носить?— сердито буркнул он, испытывая смущения от взгляда этих серых глаз. Он уже даже мысленно проклинал себя, что решил помочь. Уж донесла бы она свои сумки, наверняка не в первой. От ее пристального взгляда ему самому захотелось отвернуться. Или прикрыться, скрывая свой физический изъян. Лучше бы она смотрела с отвращением. В ее глазах отразилось сострадание и даже боль.

Неожиданно губы ее тронула улыбка, и глаза стали вдруг озорными.

—Представляете, сколько я их не кормлю, через какое-то время они снова голодные и опять просят есть. Просто настоящие проглоты.— Она рассмеялась, и лицо у нее сделалось

совсем юным. Андрей не удержался и тоже рассмеялся, потому что смех у нее был очень заразительный и веселый.

В этот момент подошел, закончивший, наконец, свои изыскания в близлежащих лужах, проглот-Федор. Он с внимательным видом, не скрывая любопытства, с примесью ужаса и восхищения одновременно, рассматривал изуродованную щеку незнакомца.

—А что случилось с твоим лицом?— серьезно спросил он. Глаза у его матери стали круглыми, а на щеках появился, кстати, очень шедший ей румянец.

—Федя!...— шикнула она на сына.

—Тебя на войне ранило?— не обращая внимания на шипение матери, задал очередной вопрос Федя.

—Нет, не на войне...

—А где?

—Федя!— простонала его мать и изловчившись, схватила сына за руку.

—Ай! Мам, больно!...— выдергивая руку, которую она, видимо, слишком сильно сжала, завопил мальчик.

—Федя, прекрати...

Андрей усмехнулся. Они были забавные. И мать и ее сынишка. И симпатичные, оба.

—На работе авария произошла,— ответил он на вопрос мальчика.

—А что случилось?

Мать нервно рассмеялась.

–Извините... невозможный ребенок. Ему все нужно знать в подробностях.

Андрей пожал плечами.

–Так это в его возрасте вполне естественно. Хорошо, когда ребенок любознательный.– Повернувшись к мальчику, он сказал: – Произошел пожар и из-за него взорвался баллон с газом.

–А какой...

Мать притянула сына к себе и закрыла ему рот рукой.

–Все, хватит,– сказала она на этот раз спокойно, но как-то очень твердо, и мальчик, посмотрев на нее, кивнул и, взяв ее за руку, пошел рядом. Андрей заметил, как опять дрогнули у нее губы, и ему даже показалось, что серые глаза, как будто, увлажнились. Женщины, по крайней мере, большинство из них, народ сострадательный, умеющий сопереживать, чувствовать чужую боль.

Через полминуты молчать мальчишке надоело, и он, очевидно решив, что если не касаться самого события, то вполне можно спрашивать, задал очередной вопрос:

–А тебе было больно?

Мать сердито посмотрела на него.

–Да, больно,– Андрей кивнул.

–Очень?

–Очень.

–А сейчас еще больно?

–Иногда.

Очевидно, чтобы пресечь дальнейшие расспросы, мать мальчика сама обратилась к Андрею:

—Спасибо Вам большое, что помогли с сумками. Просто, всегда все бегом, времени нет, вот и набираешь целую гору.— Она улыбнулась. — Вы не волнуйтесь, мы тут рядом живем. Вон наш дом.

—Стало быть, мы с вами соседи. Я тоже в этом доме живу,— Андрей засмеялся, — со вчерашнего дня. Так, что соберетесь в магазин, зовите. Вам помогу, и зарядку можно не делать.

Консьержка с любопытством уставилась на вошедшую в подъезд троицу. Новый-то жилец не промах. Только въехал, а уже сумки соседке несет. Консьержка хмыкнула.

—Феденька, иди я тебе конфетку дам,— ласково сказала она, желая потянуть время, в надежде на какие-нибудь «подробности».

Привстав с места, чтобы достать конфеты, старуха наметанным взглядом оценивала ситуацию.

—Небось, сумки-то такие ты, Маш, набрала? Хорошо хоть мужчина тебе помог,— все тем же умильно-ласковым голосом проговорила она, расплываясь в улыбке.

—Да,— коротко ответила мать мальчика на оба высказывания консьержки.

Видя, что с этой стороны информации не будет, старуха вновь обратилась к Феде.

—Мамка, вон как тебя кормит, а ты такой худенький, Феденька. Наверное, кушаешь плохо?

–Хоошо,– невнятно ответил Федя, пережевывая конфету.– Мама говорит, у меня такой обмен веществ.

Консьержка всплеснула руками и зашлась от смеха.

–Ты прямо профессор, Феденька. Все знаешь.

–Скажи спасибо и пошли,– скомандовала мать, явно не испытывающая восторга от общения с консьержкой.

–Спасибо!

–На здоровье, Феденька,– ответила старуха, с явным сожалением усаживаясь обратно на свое место. Было ясно, что никаких подробностей не будет. Она проводила удаляющихся жильцов разочарованным взглядом.

Андрей наблюдал сцену с угощением с нескрываемым весельем. Ночью, когда он только приехал, у них с хранительницей подъезда произошел небольшой конфликт.

Войдя в подъезд, обвешанный сумками с вещами, он был остановлен громоподобным выкриком из-за стекла будки:

–Куда?!!!

–Домой,– справившись с удивлением, сказал он. Время приближалось к двенадцати. Предыдущую ночь он провел в аэропорту и в самолете, а потом снова был аэропорт, работа и в довершение он еще долго плутал по району, так как навигатор отказывался находить нужный ему дом. Андрей устал и вопящая тетка, отчего то бодрствующая в столь поздний час, была совсем некстати.

–Куда?!!!– вновь взревела консьержка и, с неожиданным

проворством для своих немалых габаритов и довольно преклонного возраста, выскочила из будки.

–Куда?!!! Я Вас не знаю!– Растопырив руки, она преградила, вторгшемуся на охраняемую ею территорию чужаку, дорогу.

–Я Вас тоже,– ответил Андрей, начиная раздражаться. Он хотел просто отодвинуть бабку в сторону и пройти, но опасался, что она начнет орать так, что разбудит своими воплями половину подъезда, которую не успела разбудить до этого.

Напирая на чужака мощным бюстом, она угрожающе сказала:

–Сейчас полицию вызову, они враз приедут, заберут тебя.

–Вызывайте, – сказал Андрей. – Я здесь живу, так что потом будете сами с ними объясняться.

–Да? Живешь?– старуха подозрительно покосилась на две большие спортивные сумки. – Квартира какая? Я тебя не видела ни разу...

–Тридцать шестая,– Андрей сделал шаг к лестнице.

Бабка прищурилась.

–Не живет никто в тридцать шестой. Там жильцы съехали.

–Ну, теперь я живу.

Поставив сумки, Андрей потряс у нее перед носом ключами.

–Можно было спокойно все выяснить, правда, а не реветь на весь подъезд. Я ведь дверь подъезда своим ключом от-

крыл, Вы же видели.

–Ключ спереть можно,— невозмутимо сказала старуха. — Мое дело следить, чтоб чужие не шастали. Сами же потом с меня спрашиваете, если что.— Она строго посмотрела, на вроде как, и вправду нового жильца. — На лбу же у Вас не написано, что жилец, а не пьянь какая-нибудь или не наркоман. Их тут вона, полно шляется.

–В следующий раз учту. Заготовлю опознавательный знак, что я не пьянь и не наркоман, — сказал Андрей, но старуха юмор не оценила. Поджав губы, она поковыляла к будке. Давешняя прыть исчезла вместе с боевым задором.

– Ходют, ходют. Днем ходют, ночью ходют. А чуть что, так консьержка виновата...

–Очень бдительная старушка,— улыбнулся Андрей, зайдя в лифт. Мама мальчика, которую, как он теперь знал, звали Машей, тоже улыбнулась.

–Да, она у нас такая. Она еще и боевая. Все пьяные компании, которые раньше рядом с домом собирались, разогнала. У подъезда и поблизости теперь никто не сидит. На всех страх нагнала.

Андрей ухмыльнулся, вспомнив вчерашнее «Куда?!!!».

–Нам на седьмой. А Вам?— спросила она, так как руки у него были заняты ее сумками.

Он отвел взгляд от ее глаз, почему-то, странным образом, приводивших его в смущение.

— Я Вас до квартиры провожу. — Он кивнул на пакеты. — А живу я на четвертом. Тридцать шестая квартира. Заходите в гости, — подмигнул он Федору. Тот ответил щербатой улыбкой — не хватало верхнего переднего зуба, как и у большинства его сверстников, начавших обзаводиться коренными зубами вместо молочных.

Двери лифта открылись и от них, пропуская приехавших, попятился назад, заметно покачивающийся испитый мужичок.

— Здорово, Мань! — поприветствовал он грубоватым голосом, человека привыкшего к регулярным и чрезмерным возлияниям. — Как сама-то?

— Нормально, Саш, — спеша пройти мимо, распространяющего мощное амбре соседа, буркнула Маша.

— Здорово, братан! — грязная, опухшая ладонь потянулась к Фedyке.

— Привет, Саш! — звонко и жизнерадостно отозвался мальчик, пожимая немытую ладонь соседа-алкаша. Андрей заметил, как его мать поморщилась при виде этого негигиеничного рукопожатия. Федька же, не обремененный брезгливостью, выглядел весьма довольным.

— Мамку слушаешься? Мамка у тебя хорошая, ты ее слушай, — сказал сосед и протянул руку Андрею. — Здорово!

Поставив один из пакетов на пол, Андрей пожал протянутую руку. Не ответить было не по-мужски, да и Саша этот, мужик, судя по всему не плохой. А то, что алкаш, так мало

ли, как жизнь у человека сложилась.

Забирая у Андрея сумки у дверей квартиры, Маша улыбнулась.

– Спасибо огромное, еще раз. А говорят, рыцарей в наше время не осталось.

Андрей засмеялся.

– Стало быть, я теперь рыцарь.

Она серьезно посмотрела на него.

– Почему теперь? Мужчина либо рыцарь, либо нет. Так, что Вы – рыцарь. Теперь и всегда. – Она протянула руку. Маленькую, нежную и, естественно, чистую. – Вы уже поняли, что я Маша.

– Андрей.

– Будет время, заходите к нам как-нибудь вечером на чай. Расскажу Вам подъездные сплетни, – она рассмеялась. – Я, правда, не особо много их знаю. Информацией меня, в основном, снабжают дети. Ну, еще соседка, – Маша кивнула на дверь в другом конце коридора. – Но ей доверия нет, она обожает всякие ужасы придумывать и наговаривать всякие неприятные вещи на всех подряд.

– Спасибо, как-нибудь зайду, – улыбнулся Андрей.

– А чтобы хоть как-то Вас отблагодарить за ваш рыцарский поступок, дам ценный дружеский совет, – она взглянула на него своим озорным взглядом и вновь показалась очень-очень юной. – Саня, которого мы сейчас встретили – будет просить денег взаймы, не давайте. Один раз дадите и все.

Будет у вас на иждивении до конца дней.

Андрей рассмеялся. Новая квартира и дурацкий, неудобный район и даже большой, шумный город уже не казались ему такими неприятными, как еще буквально недавно, до того как он отправился в магазин и встретил там ее с сынишкой.

– Увидимся, – сказал он и, махнув рукой, пошел к лифту.

– До свидания! – завопил Федя звонким-звонким голосом. Андрей поймал себя на мысли, что все еще продолжает улыбаться.

Глава 2

Заметив выходящую из подъезда тетку, Арсений выбрался из машины, и, обойдя ее, распахнул дверцу со стороны пассажира.

–Прошу, мадам,– сказал он, изображая поклон в лучших традициях французского двора времен Людовика.

–Все паясничаешь,– хмыкнула Фаина Родионовна, с трудом втискивая грузное тело в салон машины.

–Нет, просто радуюсь жизни. Настроение хорошее,– не переставая улыбаться, сообщил племянник.

Хлопнув дверцей, он вернулся на водительское место. Заметив, что родственница извлекла из недр своей необъятной сумки планшет и собирается, как обычно, погрузиться в работу, Арсений с торжественным и даже немного загадочным видом сказал:

–Подожди. Сначала послушай...– после чего нажал одну из кнопок стереосистемы, включая радио. Приятный, буквально завораживающий льющим из динамиков мощным потоком энергетики, голос наполнил собой салон, обволакивая, занимая все его пространство.

«Доброе утро, дорогие радиослушатели. Для тех, кто только что присоединился к нам, с удовольствием сообщая, вы находитесь на волнах лучшего в мире радио «Ультрамарин» и с вами, как и всегда в этот час, его ведущий, есте-

ственно тоже лучший в мире, Макс Стрельников. Насчет лучшего в мире ведущего, как вы поняли, это была шутка. Итак, сейчас половина восьмого, а значит, впереди день, за который как мы договорились ранее, каждый из нас попытается осуществить все планы, мечты и вообще все то, что представляется самым важным и значительным, но по какой-то причине откладывалось и вновь откладывалось на потом. А всем известно, что важные вещи нельзя откладывать на будущее. Для того, чтобы все удалось, чтобы добиться исполнения задуманного, в первую очередь, нужен правильный настрой и тут вам с готовностью помогу я, дорогие друзья. Самое главное твердо сказать себе: «Я смогу. Все обязательно получится. Сегодня мой день, и сегодня все будет именно так, как я хочу». Кстати, можно закрыть глаза и немного помедитировать, повторяя эти слова несколько раз. И если вы решительно настроены, вы обязательно почувствуете, как ваша вера в себя и свои собственные силы и возможности вырастает, а сомнения уходят, исчезают без следа. Вы – можете, и все будет, так как вы хотите. А теперь, после небольшого психологического тренинга можно чуть-чуть расслабиться и восстановить душевное равновесие, обретя не только уверенность в своих силах, но и чувство покоя и внутренней гармонии. А, что, как не хорошая музыка, способствует быстрому и эффективному восстановлению душевного покоя. Итак, друзья мои, слушаем...»

Переключаясь, сливаясь в единое целое, с проникающей

в самые дальние, потаенные уголки души, мелодией, подобно дуновению ветра или потокам льющихся на землю солнечных лучей, зазвучал хриловатый негритянский голос. Рассказывающий понятную, даже без знания значения иностранных слов, историю, заставляя сердце рваться в груди, страдать, испытывать боль и одновременно необъяснимую радость и блаженство. Историю о любви, о страсти, о том, как прекрасен этот мир, когда в нем есть тот, кого любишь, и как он пуст и печален, когда любовь потеряна. Смолкли последние звуки волшебной песни.

«Это было прекрасно. Думаю равнодушных не осталось, – несколько растроганно произнес радиоведущий. – А сейчас, выныриваем из мира грез и делаем первый шаг навстречу задуманному. Помните, сегодня каждый из вас имеет все шансы поймать свою волну...»

Арсений слегка убавил звук и, на мгновение, оторвавшись от дороги, повернулся к тетке.

–Ну и как он тебе?– радостно спросил он. Тетка смерила его хмурым взглядом.

–Если ты про этого радио-болтуна, то никак,– отрезала она и включила планшет. Вечно племянник со своими выдумками.

Нисколько не смутившись, Арсений рассмеялся и снисходительно сказал:

–Между прочим, этот радио-болтун, как ты изволила его назвать, месяц назад был признан лучшим радиоведущим. У

него масса поклонников.

–Дурновкусие, вообще, нынче в моде,— пожалв плечами, ответила тетка.

–Ну, на вкус и цвет, как говорится,— примирительно сказал племянник. – Но, самое главное, не это.

Арсений сделал паузу. Тетка покосилась на него, зная, что сейчас последует продолжение.

–Он написал книгу. И...— последовала еще одна пауза, для лучшего эффекта,— мы ее издадим.

Произнеся последние слова, Арсений горделиво расправил плечи и сидел ужасно довольный этой замечательной, на его взгляд, новостью.

–Кто это мы?

Арсений ухмыльнулся. Он так и знал, что тетка воспримет сказанное им в штыки.

–Наше издательство,— сказал он. Тетка в очередной раз хмыкнула.

– Да? А с какой стати?

–С такой, что, мало того, что книга и впрямь хорошая, а учитывая его популярность, она станет настоящим бестселлером и мы заработаем кучу денег. А деньги, между прочим, лишними не бывают. И к тому же он в скором времени будет вести передачу на телевидении. Контракт уже подписан и телевизионщики, предлагают кругленькую сумму на рекламную компанию по продвижению книги. Ну, естественно в целях разрекламировать, заодно, свое новое шоу. А?! Непло-

хо?!

Арсений бросил еще один взгляд на сидевшую все с таким же хмурым лицом тетку. Потрясающая новость и перспектива заработать «кучу денег» ее в восторг не привела. Напротив разозлила, и как он заметил, сильно.

—Просто удивительно, как каждый, кто возомнил себя звездой, в наши дни норовит обязательно еще и что-то написать, оставить свой след и в литературе. И в основном ведь чушь несусветная. Сегодня, чтобы выжить, приходится много всякого барахла издавать. Что весьма прискорбно. Но учти, если книга этого твоего болтуна из разряда барахла, мы ее издавать не станем. Если тут еще и телевидение подключится, они такой ажиотаж создадут, что плохая книга вместо того, чтобы стать как ты утверждаешь, бестселлером, и скажочно обогатить нас всех, просто превратится в несмыслаемое пятно на добром имени издательства, а я этого не допущу.

Арсений почувствовал на себе пристальный взгляд родственницы.

—Вчера мы встречались и договорились. Я дал слово,— твердо сказал он, почти надменно глядя в недовольные глаза тетки. — И отказываться от своего слова, и менять решение я не намерен.

В его словах прозвучал явный вызов.

—Ты не имеешь права в одиночку принимать подобные решения,— сердито сказала тетка. — Если ты забыл так я тебе напомним,— она едва не добавила щенка или молокосос, но

сдержалась, – я – главный редактор, и подобные вещи ты обязан обсуждать со мной.

–А я – издатель,– отчеканил Арсений. Он тоже начинал злиться, что случалось с ним крайне редко. Но на этот раз он не намерен был уступать, и выслушивать нравоучения тоже. – Это, если ты забыла. И как глава издательства я не обязан спрашивать разрешения ни у тебя, ни у кого-либо еще.

Фаина Родионовна отвернулась к окну. Помолчав, и немного успокоившись, Арсений, не любивший ссор, всевозможных сцен и натянутых отношений, и любивший свою тетю, и, несмотря на постоянно возникающие между ними разногласия, относившийся к ней с нежностью и теплотой, довольно миролюбиво сказал:

–Я не хотел тебя расстраивать, душа моя. Завтра Макс приедет в издательство, и надеюсь, пообщавшись с ним, ты изменишь свое мнение. Он невероятно харизматичный, и вообще, незаурядная личность, вот увидишь. И пишет и вправду хорошо.– Арсений улыбнулся. – Он же повелитель слов, так что не переживай. До завтра у тебя как раз есть время ознакомиться с его книгой, после чего, я уверен, ты сменишь гнев на милость, – Арсений одарил тетку самой обворожительной из своих улыбок. Фаина Родионовна презрительно фыркнула.

–У меня же этого самого времени хоть отбавляй, не знаю чем себя занять. Хорошо хоть племянник не дает старухе совсем уж закиснуть от безделья.

Арсений рассмеялся, но видя, что тетка не в духе, сосредоточился на дороге, не пытаясь продолжить диалог. Оставшаяся часть пути до издательства Фаина Родионовна сидела хмуро глядя в окно. Она даже на работе сосредоточиться не могла. Планшет так и лежал на коленях с темным экраном, не востребованным своей хозяйкой. Фаина Родионовна размышляла об авторе, как утверждал ее племянник, будущего бестселлера и заодно о глупости и безответственности племянника, порой доводившими ее до бешенства. Удивительно, что Арсений не понимает, что хорошо подвешенный язык, не наделяет его владельца, заодно, и умом и уж тем более писательским талантом. А этот Макс Стрельникова, судя по всему, самоуверен, самолюбив и амбициозен до крайности. Иначе говоря, настоящая мания величия, принятая ее племянником за харизму или что там еще. Надо быть таким дураком, чтобы в делах ведения бизнеса идти на поводу у собственных эмоций и какой-то ребяческой восторженности. Надо быть вообще таким дураком. Фаина Родионовна глубоко вздохнула. Порой ей хотелось придушить любимого племянника собственными руками.

Когда пять лет назад, бывший тогда владельцем издательства, муж ее сестры, сообщил своячнице, что врачи поставили неутешительный диагноз и дали ему полгода, максимум месяцев восемь, Фаина Родионовна восприняла очередной из ударов судьбы весьма болезненно в душе и, как обычно, очень стойко внешне. Дмитрий Веснин, отец Арсения, был

одним из немногих, буквально из единиц мужчин, кто вызывал у суровой редакторши не просто уважение, а настоящее восхищение. Ум и способности прирожденного бизнесмена, позволили Дмитрию Веснину превратить маленькое издательство, приобретенное им в собственность в самом начале перестройки, располагавшееся в те годы не в столице, а в небольшом, захолустном городке, в весьма солидное и доходное предприятие. К моменту, когда врачи огласили приговор, издатель был человеком очень хорошо обеспеченным. И как человек разумный и по-настоящему любящий свое дело, которому посвятил не один десяток лет, Дмитрий Веснин и распорядиться тем, что останется после него хотел разумно. Единственный и горячо любимый сын, по мнению, трезво смотрящего на вещи отца, был обормот и по характеру, и в силу своего возраста. Все свое время Арсений, которому тогда только-только исполнилось двадцать два года, посвящал посещению всевозможных увеселительных мероприятий и бесчисленным краткосрочным романам. И с тех пор, как Дмитрий Валерьевич, два года назад, перевел свое издательство в Москву и обосновался здесь с семьей, разгульный образ жизни Арсения только набирал обороты. Но лишать сына наследства из опасения, что тот быстренько все промотает, любящему отцу не хотелось. Посоветовавшись с верной соратницей, своей правой рукой, и по совместительству теткой обормота, Фаиной Родионовной, владелец издательства составил завещание таким образом, что сын, хоть

и получал в наследство всю принадлежавшую его отцу собственность, но по особым условиям, оговоренным в завещании, ему волей-неволей нужно было браться за ум и заняться делом всерьез. По условиям завещания, Арсений становился владельцем издательства, и должен был сам руководить его деятельностью, но ни продать, ни предпринять еще каких-либо кардинальных шагов в отношении него он без согласия своей тетки, главного редактора издательства, не мог.

Дмитрий Веснин прожил на месяц дольше отпущенного врачами времени. Арсений тяжело пережил смерть отца. Впервые в беззаботную жизнь молодого человека вошло подлинное горе. Большая утрата, болезненная и безвозвратная. До того, как стать владельцем и «встать у руля», Арсений всегда считал, что быть руководителем, в общем-то, здорово. Сидишь себе в удобном кресле, в собственном кабинете, командуешь всеми, сам ни перед кем не отчитываешься. Одним словом, делаешь что хочешь, живешь в свое удовольствие, как он и жил всегда. Только руководитель для разнообразия иногда приезжает на работу и дает подчиненным задания. Вот и вся разница. А самое главное, сознание, что ты главный, естественно, льстит мужскому самолюбию и жизнь твоя от этого еще замечательнее. Красота! На деле все оказалось не так. Арсений очень быстро убедился, что быть руководителем – тяжелый труд, плюс ответственность. Ни то, ни другое не было у него в приоритете. И совсем это не весело и не прикольно, как он всегда себе представлял,

а наоборот довольно нудно, утомительно и отнимает столько сил и времени, что на веселье их почти, что не остается. Промаявшись пару месяцев, вымотавшись и «наевшись» ролью главного по горло, Арсений попытался намекнуть тетке, что он совсем не против, если каждый из них займется тем, что любит и к чему у него лежит душа, а именно: Фаина Родионовна возьмет руководство издательством в свои руки, у нее это прекрасно получается, а он, Арсений вернется к прежнему, милому его сердцу образу жизни. Дело-то молодое, скучно сидеть в кресле и целый день бумажки подписывать и т.д., ему бы пока он так молод, свеж и бодр погулять, а то так захнешь совсем... Выслушав племянника, тетка «пыхнула» огнем, не хуже сказочного дракона и объяснила ему, что и как, и напомнила условия завещания, а заодно в подробностях рассказала ему кто он есть, самым мягким из использованных при этом выражений было «великовозрастный идиот». Тетка говорила долго и красноречиво, и Арсений, впервые в жизни, вылетел от нее весь красный, с перекошенным лицом и разобиженный до крайности. Подувшись, обдумав сказанное, он на следующий день явился мириться и сказал, что согласен с ее словами, не со всеми, конечно, но с общим смыслом сказанного. Все еще немного обиженно заметив при этом, что она могла бы высказать ему все и помягче. «Если бы я с тобой, дураком, сюськалась, ты бы ничего не понял и проматывал бы свою жизнь по кабакам и клубам до пенсии», – сдвинув брови, сурово сказала пря-

молинейная Фаина Родионовна.

За время правления «империей» Арсений, естественно, несколько остепенился и слегка посерьезнел. Но, время от времени, как называла это редакторша, чудил. Как, к примеру, с этим радиоведущим. За оставшееся время, пока они добивались до издательства, Фаина Родионовна не произнесла больше ни слова. Чего разговаривать с безмозглым мальчишкой? Если ума нет, своего не вложишь. А если уж на Арсения нашло, как это порой случалось, то его не переубедить. Упрется как баран, и ничего не поделаешь.

—

Денис дотронулся до бархатистой смуглой кожи и нежно провел по ней кончиками пальцев. Дернув плечом, Кира сбросила его руку.

—Пора ехать. Мы на работу опоздаем, — сказала она резко.

Денис закинул руки за голову, с улыбкой разглядывая ее великолепное тело.

—Подумаешь, один раз можно и опоздать, — сказал он, любясь плавными изгибами и мягкими, наполненными грацией движениями партнерши. Она сводила его с ума. Постоянно. Он хотел ее каждый раз, когда видел. Думал о ней. А эта манера вести себя как дикая кошка, в любой момент готовая выпустить свои когти, выбивала его из колеи и в тоже время притягивала, превращая его в одержимого. «Когда-нибудь я не выдержу и убью ее», — лениво подумал Денис и засмеялся. Кира сердито покосилась в его сторону.

–Смотрю, тебе весело.

Подобрав валявшиеся на полу джинсы и толстовку, она швырнула их на кровать.

–Вставай! Это ты у нас творческая личность, которая не придерживается рабочего графика. А мне нужно быть вовремя.

–Сейчас поедем,– натягивая одежду, сказал Денис. Хотя он бы с удовольствием задержался еще на пару часов. Вид одевающейся Киры вновь привел его в «боевую готовность».

–Просто я не понимаю, почему нужно делать такую страшную тайну из наших отношений,– немного обиженно сказал он, закончив одеваться и идя к двери квартиры. – Что такого случится, если кто-то из издательства узнает? Всем плевать. У нас романы между сотрудниками не под запретом.

Бросив сапог, который она собиралась надеть, Кира выпрямилась и посмотрела на него. Красивое лицо было злым, темные глаза сузились и стали, и впрямь, похожи на кошачьи.

–У нас с тобой нет никакого романа. Я тебе сразу сказала, что никто не должен знать! Если тебя не устраивает, можем вообще прекратить. Заруби себе на носу, нет никаких нас и никаких отношений между нами. Мы просто спим время от времени, ничего больше.– Она презрительно изогнула губы и внимательно посмотрела на него, желая убедиться, что до него дошло то, что она сказала.

– Да понял я, – огрызнулся Денис. Можно подумать, что спать с ним это страшный позор. Между прочим, многие были бы не против. Он женщинам нравится, вот так вот! Может и впрямь прекратить все эти встречи? Послать ее к чертовой матери, пока она окончательно не свела его с ума своими выходками и своим отношением. Как будто он собачонка, которую можно приласкать, когда хочется, а потом взять и отпихнуть.

Кира застегнула второй сапог и, взяв сумку, даже не взглянув в его сторону, вышла из квартиры. «Сука!» – чувствуя уже не раздражение, а самую настоящую злость мысленно выругался Денис.

– Перед поворотом меня высади.

До издательства оставалась пара кварталов.

– Слушаюсь, – буркнул Денис и припарковал машину возле тротуара.

– Вон, купи кофе, как раз успеешь выпить, – сказала Кира.

– Какая забота, – язвительно ответил Денис. Проигнорировав его слова, Кира пошла в сторону издательства. Денис откинулся на спинку сидения. Ну что за тварь, крутит им как хочет. Достав пачку, он закурил. Иногда ему казалось, что он ее ненавидит.

—

– Маруся! А вот ни за что не угадаешь, что я тебе сейчас расскажу, – ухватив за руку, проходившую мимо него Ма-

шу, радостно сообщил Арсений. Рот издателя расплывался до ушей, а глаза сверкали «особым» блеском, свидетельствовавшим о крайней степени внутреннего возбуждения.

–Точно, не угадаю,– легко согласилась она и попыталась высвободить руку. Времени на «угадайку» и на выслушивание «потрясающих новостей», приведших владельца издательства в столь восторженное состояние в данный момент у нее не было.

Арсений еще крепче сжал ее руку, чтобы она не улизнула.

–И что, неужели тебе совсем не интересно?

–Нет, не интересно,– отрезала Маша.– Пусти.

Арсений расплылся еще шире.

–И ты не будешь меня умолять, чтобы я рассказал? А новость, между прочим, сногшибательная,– голосом змея кусителя сообщил он.

–Слушай, мне некогда. Давай рассказывай свою сногшибательную новость, потому что ты все равно не отстанешь, я тебя знаю, а если нет, тогда отпусти меня, и я пошла.– Маша сердито сдвинула брови.

–Даже на колени не встанешь?– нахально ухмыльнулся издатель.

–Арсений, ты дурак?– она сделала еще одну попытку освободиться, вновь безуспешную.

–Но-но! С начальством, между прочим, разговариваешь, Морозова, – грозно сказал Арсений и погрозил пальцем. Маша одарила его снисходительно-раздраженным взглядом.

Арсений снова нахально ухмыльнулся. – Ладно, Морозова. Прощаю, я сегодня добрый. В следующий раз устроим показательную порку перед всеми сотрудниками, чтоб никому nepовaдно было дерзить руководству.

–Ты достал! – начиная выходить из себя, крикнула Маша. – Если тебе заняться нечем, то у меня работы полно.

–Да ладно-ладно. В твоём возрасте вредно так нервничать,– хохотнул Арсений. Маша не удержалась и тоже расмеялась. Ну что за человек? Начальник. Все никак не наиграется. Детский сад. И выходки все как у детсадовца.

–Все, рассказываю, орать-то зачем? Я ж не глухой, как некоторые,– снова ухмыльнулся издатель. В ярко-голубых глазах прыгали озорные огоньки. Он с улыбкой, без какого-либо стеснения разглядывал Машу.

–Ну, – поторопила она, оставив без внимания «откровенное», на грани приличия, разглядывание. – В моём возрасте и долгое ожидание вредно. Каждая минута, на счету.

–Мы будем издавать книгу Макса Стрельникова, представляешь, Марусяка?!– сияя, сообщил издатель.

– А кто это?– довольно равнодушно спросила Маша, ничуть не потрясенная услышанным. Арсений перестал улыбаться и скорчил кислую физиономию.

–Маруся, может ты врала насчет возраста-то? Может тебе не триста, а все четыреста пятьдесят? Ты что радио не слушаешь, телевизор не смотришь?

–Нет.

Арсений недоверчиво уставился на нее.

—С кем мне приходится находиться рядом треть своей жизни! Сплошная темнота и невежество.

—Ну, просвети меня уже, только желательно побыстрее,— сказала Маша. — Пожалуйста, самую суть. Без лишних подробностей, как ты любишь.

—Это тетка тебя испортила,— почти с жалостью, глядя на нее, вздохнул Арсений. Он улыбнулся и, в очередной раз, погрозив пальцем, добавил: — Чувствую влияние родственницы. Доживешь до ее лет и будешь точно, как она. Ладно уж, и вправду просвещу тебя, темную, отставшую от жизни. Макс Стрельников — радиоведущий... Нет, Марусь, ну неужели правда не знаешь? Может, ты прикалываешься? Радио Ультрамарин?!— Арсений покачал головой. — Ну, вообще, Морозова, прямо, не ожидал, честное слово. Стрельников — популярный радиоведущий, самый популярный, если быть точным, по недавно проведенным опросам радиослушателей. Ну, что неужели ничего о нем не слышала? Его то и дело приглашают во всяких шоу участвовать. У него фанатов море...

Маша пожала плечами.

—Я не из их числа. И вообще, ты радио, где слушаешь? В машине. У меня машины нет. А дома мне детей хватает, безо всякого радио, да и без телевизора тоже. Мне бы наоборот тишины...

—Да ясно все. Ты темная, несовременная тетка, задрюкан-

ная жизнь, скучная занудная старушенция.— Он рассмеялся. — Я, просто, забыл. Так на чем я остановился?... Да, точно. Этот самый Макс Стрельников, которого знают все кроме тебя, ну и еще моей тети, написал книгу, и будет издавать ее у нас. А так как он совсем скоро станет вести еще и совершенно новое шоу на телевидении, то телеканал, запускающий проект, будет участвовать в рекламной компании. Разрекламируют Стрельникова-писателя — разрекламируют Стрельникова ведущего их шоу. А это, даже ты, убогая и отсталая, должна понимать — деньги, популярность и все дела. Ну, что класс?!

Маша пожала плечами.

—Наверное...

Арсений скривился, как от зубной боли и закатил глаза.

—Ой, все иди Морозова, ты безнадежна! Только задержи-ваешь меня вечно. Как пристанешь с чем-нибудь, расскажи, расскажи, как будто у меня других дел нет.

Маша рассмеялась.

—Да отличная, отличная новость,— смеясь, сказала она и направилась, наконец, туда, куда шла до встречи с издателем.

—Ну, вообще. И правда, одна темнота вокруг. Пещерные люди, настоящие неандертальцы.

Слегка прищуриив глаза, Арсений проводил взглядом стройную, удаляющуюся от него фигурку.

—Эх, Маруська, Маруська!— с улыбкой сказал молодой издатель, лихо встряхивая светлыми кудрями.

Первая встреча с Машей Морозовой, состоявшаяся четыре с половиной года назад, прошла, что называется, не совсем гладко, и нанесла довольно болезненный удар, по самолюбию тогда еще совсем молодого, только-только унаследовавшего дело отца Арсения Веснина.

С раннего детства Арсений был обласкан судьбой и наделен ею всем чего только можно желать, причем в избытке. Обожание родителей. Дом – полная чаша. Любое пожелание юного отпрыска, любой каприз, так как состоятельному отцу это было вполне по карману, исполнялись незамедлительно. Все всегда восхищались красотой маленького белокурого Арсюши. «Настоящий ангел!» – охали все друзья и знакомые, умильно глядя на светленькие кудряшки и прелестное и впрямь ангельское личико. И ко всему прочему прекрасный слух. Естественно, чтобы развивать его и дальше, был приглашен музыкальный педагог. И спортивные успехи – теннис и плавание, на соревнованиях, непременно, призовые места. И учеба только на хорошо и отлично, не столько из-за старания и прилежания, сколько благодаря прекрасной памяти и тому, что абсолютно все предметы давались Арсению на удивление легко. Опять же благодаря памяти, склонность к языкам. «Талант! Ребенок – гений!» – восхищались все. Мать Арсения, переполненная гордостью, смотрела на других мамаш, с чувством превосходства. У них-то дети как дети. А у нее – совершенство. Отец был полон и гордости

и надежд, что растёт наследник, будет, кому передать свои начинания. Арсений рос, мужал, постепенно из маленького очаровательного ангела становясь мужчиной, наделённым морем обаяния, легким, веселым характером и бьющей через край жизнерадостностью. Чего всегда чуть-чуть не доставало обладателю всех этих весьма привлекательных черт, и на что родители благополучно закрывали глаза в детстве и старались не замечать в подростковом возрасте и в юности, так это серьёзности. И ничего удивительного, что избалованный вниманием, похвалами, привыкший получать все, что душа пожелает, обожаемый всеми вокруг и в первую очередь, естественно, женщинами, Арсений Веснин пребывал в твердой уверенности, что мир вокруг создан исключительно для того, чтобы дарить удовольствие и радость ему.

И вот, в один из дней, когда, как и во все предыдущие, Арсений, наскоро просмотрев бумаги и сделав несколько неотложных звонков, касающихся работы, изнывал от скуки, борясь с искушением бросить «высокий пост» и «свалить» из издательства, чтобы предаться более приятным и увлекательным занятиям, он, заглянул от безделья к тетке. В кабинете грозной редакторши он узрел дивное создание. Все мысли относительно того, чтобы сбежать с рабочего места в поисках увеселений, разом вылетели из головы молодого повесы. Девушка была чудо как хороша.

— Добрый день, — расплываясь в улыбке, поприветствовал Арсений, вваливаясь в кабинет, — позвольте представиться,

Арсений.

–Мария.

Он осторожно пожал маленькую ладошку, слегка задержав ее в своей руке. От целования рук он воздержался. Рабочая обстановка все-таки, да и тетка бросала на него испепеляющие взгляды из-под насупленных бровей. Убедившись, что племянник не собирается ограничиться приветствием, а судя по всему, наоборот, намерен остаться и «поприсутствовать», Фаина Родионовна с недовольным видом проворчала.

–Арсений Дмитриевич наш издатель.– И, уже обращаясь к Арсению, добавила: – Мы с Марией Александровной беседуем по поводу вакансии моего ассистента.

Она пододвинула к усевшемуся рядом с ней Арсению какие-то бумаги, очевидно, резюме хорошенькой Марии Александровны, соискательницы на должность ассистента. Арсений уселся рядом с теткой, напротив соискательницы, вовсе не для того, чтобы читать глупые бумажки, в которых нормальные люди ничего интересного никогда не пишут. Просто, с этого места, было удобнее получше разглядеть очаровательную девушку, рискнувшую прийти в логово злобного огнедышащего дракона, его тетки. Арсений даже был готов, в случае чего, вступить за оборозительное, невинное создание, прикрыв ее широкой грудью от теткинх нападков, приняв удар на себя. Он пару раз был свидетелем проводимых ею встреч с соискателями. Те потом, наверное, долго вздрагивали и с ужасом вспоминали злобную мегеру, глав-

ную редакторшу. Откинувшись на спинку кресла, Арсений принялся «изучать» в подробностях внешность, а заодно и фигуру девушки, по крайней мере, ту часть, что находилась в поле его зрения, не скрытая столом. Нежная, матовая кожа. Аккуратный носик и мягкие, красиво очерченные губы. Сама нежность, свежесть и чистота юности. И глаза большущие, необычайно выразительные. Где-то в глубине этих глаз скрывались озорные огоньки. «До чего же хорошенькая!»— решив, что все просто супер, нежно улыбаясь прелестному созданию, думал Арсений. Наверняка тетка ее на работу не возьмет. Решит, что слишком молода и хороша, а значит не серьезная, одни глупости в голове. Честно говоря, Арсений вообще подозревал, что среди всех миллиардов людей, населяющих землю, не найдется ни одного, кто и впрямь подошел бы тетке и соответствовал всем ее требованиям. Такой она человек. Поэтому, после того, как тетка откажет от места юной, очаровательной соискательнице, милая девушка, конечно, расстроится. А он, Арсений, тут как тут, быстренько ее утешит. И вознесутся они к вершинам неземного блаженства. И на некоторое время можно на этих самых вершинах и остаться. Здорово! Арсений даже зажмурился, представив, как чудесно сложится остаток сегодняшнего дня, после того, как он утешит очаровательную Марию Александровну, и они с ней устрелятся навстречу неземному, а заодно, и земному блаженству.

Арсений так увлекся собственными фантазиями, рисуе-

мыми ему его богатым воображением, что содержание происходившей между теткой и юной соискательницей беседы целиком и полностью ускользнуло от него. Поэтому он был весьма удивлен, услышав обращенный к себе вопрос:

–Вы согласны, Арсений Дмитриевич?– саркастично спросила тетка.

– А почему нет? Думаю, да. Я ничего не имею против,– слегка пожав плечами, расплылся в очередной улыбке Арсений, не имея ни малейшего представления о чем шла речь, и надеясь не попасть уж совсем впросак с ответом. А то кто его знает, с чем он там согласен.

–Прекрасно,– смерив его насмешливым взглядом, изрекла тетка. – Значит, завтра, жду Вас, Мария Александровна, в половине десятого.

Только что принятая на работу, как понял Арсений, удивительным образом, подошедшая Фаине Родионовне, Мария Александровна, одарила редакторшу и Арсения нежной, и в то же время невероятно озорной и располагающей улыбкой, и, попрощавшись, выпорхнула за дверь.

Сорвавшись с места, Арсений припустил следом.

–Арсений, раз уж ты зашел, возьми бумаги...– крикнула тетка.

–Потом...– отмахнулся он, выскакивая из кабинета.

Вообще-то, на работе Арсений амурных связей старался не заводить. Потом, по возвращении с райских вершин, хлопот не оберешься. Женщины любят драматизировать, наду-

мывать себе что-то такое. Но почему собственно не сделать на этот раз исключение? Слишком уж взволновала вновь обретенная сотрудница юного издателя. Сердце молодого, но уже вполне прожженного волокиты, бешено ухало в груди, а все остальные части тела страстно стремились к юной чаровнице, не желая слушать слабеньких доводов разума. У Арсения даже мелькнула мысль, а не сказать ли новой теткой помощнице, не успевшей разобраться в ситуации и не имеющей представления о том, что ее ожидает в процессе тесного сотрудничества с его родственницей, правду. Предостеречь, так сказать. Не из эгоистических соображений, естественно, ну или не только из-за них, но и чтобы, заодно, уберечь дивное создание от ненужных потрясений и переживаний. «Вы прелестное, нежное создание, как принцесса из сказки. А ваша нанимательница – огнедышащий дракон, закусывающий такими принцессами на завтрак, а иногда и на обед, и на ужин. Не губите свою молодую жизнь, свой дивный цвет лица и свои нервы, дайте мне Вашу руку и позвольте спасти Вас от предстоящего кошмара, а вместо него подарить райское блаженство и свою любовь (на какое-то время, естественно – данное уточнение для озвучивания, само собой не предназначалось)». Подавив рвавшийся из груди смех, Арсений, легкой рысью, пропустил по коридору за прекрасной принцессой. Догнав девушку, он ухватил ее под локоток и увлек в сторонку, подальше от любопытных глаз и ушей. Вблизи она показалась еще более соблазнительной... и желанной.

–Рад, что собеседование прошло удачно.– Он одарил девушку ослепительной улыбкой, чувствуя, как по телу как будто пробегают электрические разряды. Большие серые глаза новой сотрудницы смотрели на него с некоторым удивлением. – Фаина Родионовна человек, ммм... с характером. Но не сомневаюсь, что Вы, с вашим обаянием, непременно сумеете найти с ней общий язык, и ваше сотрудничество будет вполне удачным. К тому же, Ваш профессионализм, безусловно, поможет вам отлично ладить. Меня, например, Ваше резюме очень впечатлило. Буквально привело в восторг. Думаю, Вы прекрасно справитесь с новой работой, и будете чувствовать себя вполне комфортно на новом месте,– последовала очередная ослепительная улыбка.– Так что добро пожаловать в наш небольшой, но дружный коллектив. Мы все очень-очень рады такой замечательной сотруднице.

Насчет резюме Арсений самым наглым образом врал. Он в него даже заглянуть не удосужился, занимаясь разглядыванием его составительницы и представляя, как чудесно они проведут время после собеседования. Но, какой-никакой опыт работы в издательском деле у девчонки точно должен быть. Совсем без опыта тетка бы ее никогда в жизни не взяла. Поэтому, попасть впросак из-за вранья, по поводу резюме, он не опасался.

–Уверена, мы с Фаиной Родионовной сработаемся, и особенных трудностей у нас не возникнет. И спасибо за такой теплый, дружеский прием. Хороший коллектив – это залог

успешной работы и душевного комфорта, не так ли?— улыбнулась она. В глубине серых глаз, как и до этого, плясали озорные огоньки. Арсений плотоядно ухмыльнулся. Светская, вступительная часть беседы окончена, пора переходить к делу. В общении с женщинами Арсений предпочитал сразу расставлять все точки над «и». К чему ходить вокруг да около? «Вы привлекательны. Я чертовски привлекателен. Чего зря время терять?». Решив действовать, как обычно, по привычной схеме, Арсений взял руку девушки в свою и слегка понизив голос и придав ему определенную интимность, нежно проворковал:

—А почему бы нам, Маруся, не пойти куда-нибудь пообедать и отметить знакомство? Тут как раз есть неплохой ресторанчик неподалеку.— Он чуть сильнее сжал маленькую руку, лаская ее обладательницу нежным, чувственным взглядом. — Мы-бы поближе узнали друг друга. В резюме ведь только сухие факты, а хотелось бы... ммм... лучше узнать человека, с которым предстоит сотрудничество.

—Вы всех новых сотрудников приглашаете на обед? Такая традиция?— поинтересовалась она, и взгляд серых глаз стал насмешливым.

Арсений вновь расплылся в улыбке. Она его раскусила. Все ясно, она девушка неглупая, не зря же тетка ее взяла, и к тому же еще и приличная, а не какая-нибудь вертихвостка. Он должен ее сначала поугуваривать. Арсений почувствовал, как его все сильнее охватывает охотничий азарт. А кому,

скажите, интересны слишком доступные женщины, сразу говорящие «Да»? Нет уж, женщина должна заставить мужчину буквально кипеть от страсти, добиваться ее шаг за шагом, покорять, как неприступную вершину. Мужчина должен желать ее по-настоящему, что бы потом наслаждаться вкусом победы, чувствовать торжество, а иначе никакого интереса. Склонившись к даме, вызывающей в нем самые бурные эмоции он промурлыкал:

—Признаюсь, не всех. Но Вы, сразу чувствуется, человек очень интересный. Как я уже сказал, Ваше резюме произвело впечатление и вызвало мой необычайный интерес... Мне кажется, Маруся, у нас много общего. Это мы тоже могли бы обсудить во время обеда, а после него продолжить обсуждение...

Она слегка склонила голову и смотрела на него очень внимательно и серьезно.

—Думаю, это не слишком удачная идея,— спокойно сказала она, когда Арсений сделал паузу в своих излияниях, в ожидании ее ответа, положительного, естественно. — Так же, как и называть меня Марусей. Как-то очень интимно, Вам не кажется? А мы слишком мало знакомы для подобного обращения.

—Так, что же мешает нам восполнить это упущение?— проведя кончиками пальцев по мягкой ткани рукава ее светло-зеленого пиджачка, почти прошептал издатель. — Я, как раз, предлагаю лучше узнать, познакомиться поближе...

–Вы любите детей?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что Арсений опешил. При чем тут дети?! Он смотрел на нее с недоумением, и вид у него был довольно дурацкий, потому что она оборвала его на полуслове, и он от удивления так и не закрыл рот.

–Ну, Вы же читали мое резюме и знаете, что у меня двое чудных крошек. Мальчик и девочка. Сыну три, а дочке скоро будет десять.– Она обворожительно улыбнулась ему.

Арсений стоял, хлопая глазами, не в силах хоть что-то сказать. Он лихорадочно пытался сообразить, сколько же лет этой лживой особе, практически аферистке, так коварно введшей его в заблуждение своим обманчиво юным видом. Да минимум...

–И еще, – сбив со счета коварно обманутого издателя, вновь заговорила, стоящая, одной ногой в могиле от старости, обманщица, – раз уж Вы хотите, чтобы мы узнали друг друга ближе, должна Вам сказать, что я противница романов между начальниками и их сотрудниками. Ну, если, конечно, это не настоящее, серьезное чувство, возникшее после длительного общения, когда они, и впрямь, успели хорошо узнать друг друга. Я вообще за серьезные отношения, Арсений Дмитриевич. А Вы за серьезные отношения?

Арсений перестал хлопать глазами и застыл, как каменное изваяние, зачарованно глядя на нее, теперь уже немигающим взглядом, как будто он находился под гипнозом. Нет, он не однозначно не за серьезные отношения и не за дли-

тельные тоже. И насчет детей он не знает. Не то, чтобы он не любит их, просто он к ним не готов. Ни к своим, ни даже к чужим. Арсений чувствовал себя глупо и довольно неприятно. И неприятнее всего было даже не то, что она так ловко его отшила. Она как будто унизила его, показала его истинное лицо, дав понять, что раскусила его приемы бабского обворожителя. И не просто раскусила, а видит его насквозь, и он кажется ей смешным, безмозглым юнцом, увивающимся за каждой юбкой и при этом изображающим из себя такового respectableного, знающего о жизни все взрослого мужчину. А может она права и он и впрямь просто самовлюбленный кретин, ничего из себя не представляющий, просто привыкший получать от жизни все? Он почувствовал раздражение и неприязнь по отношению к стоявшей напротив него, как оказалось вполне взрослой женщине, старше него самого минимум лет на восемь, а то и больше. Матери двоих детей, настоящей змее, притворившейся молоденькой невинной девушкой, неопытной и наивной, с этими ее серыми глазами. И по отношению к себе он тоже почувствовал раздражение и недовольство... Да, чтобы она провалилась эта Маша Морозова! Ясно, почему тетка решила ее взять. Учужала родственную душу. Они будут идеальной парой. Будут обе капать своим ядом, как две сколопендры.

–Думаю, мы все выяснили, Арсений Дмитриевич, и достаточно узнали друг друга для первого раза,– сказала женщина-змея, притворщица и любительница серьезных отноше-

ний. – До свидания. Мне завтра стоит приходиться или, может быть, Вы решили отклонить мою кандидатуру?– все с той же легкой насмешкой спросила она.

– Отчего же? Разумеется, стоит. Завтра Ваш первый рабочий день, – неприятным голосом проскрипел Арсений.

Зацокали каблучки. Арсений развернулся и пошел к своему кабинету. Усевшись за стол, он уткнулся в лежавшие на нем бумаги. Развлекаться и искать более приятное занятие на оставшуюся часть дня, чем работа, ему уже не хотелось. Хватит с него. Наразвлекался. «Если все же они не поладят, и тетка ее сожрет, я уж точно переживать не стану»,– мстительно подумал Арсений.

Арсений дулся два дня. Уязвленное самолюбие не давало успокоиться. Он старательно избегал встреч с новой сотрудницей, в глубине души понимая, что ведет себя глупо, и от этого злясь еще сильнее. На третий день ему надоело дуться и строить из себя оскорбленного и обиженного.

–Предлагаю мир и дружбу,– подойдя к Машиному столу и протягивая руку, сказал издатель, – жвачки у меня с собой нет, – засмеялся он, вспомнив детское выражение «мир-дружба-жвачка». Коварная обманщица, Маша Морозова улыбнулась ему, на этот раз, не насмешливо, а вполне искренне и дружелюбно.

–А мы разве ссорились?– в серых глазах вновь заплясали озорные огоньки. Арсений пожал плечами и ухмыльнулся.

–Ну, скажем так, между нами возникло легкое недопони-

мание.

Он бережно пожал маленькую ладонь. На этот раз, не задерживая ее в своей, дольше, чем необходимо. Дружба, так дружба. Тоже хорошо.

–Я рада, Арсений Дмитриевич, что между нами больше не осталось недопонимания,– она одарила его озорным взглядом и снова улыбнулась, став при этом казаться еще более юной. «Обманщица!»– почти с нежностью подумал глядя на нее Арсений. Ему, даже, стало немного жаль, что они теперь просто друзья. Подумаешь каких-то восемь, пусть даже десять лет. Он отошел от ее стола и направился в сторону теткинго кабинета. Нужно было решить несколько вопросов – он же глава издательства, в конце концов, а не какой-то там озабоченный исключительно собственными удовольствиями похотливый юнец.

–Мы тут все обращаемся друг к другу на ты и по имени,– дойдя до двери, сказал он. – Поэтому, никаких Арсениев Дмитриевичей, Маруся.

Подмигнув, он зашел в кабинет редакторши.

Глава 3

К вечеру, осадки в виде дождя со снегом прекратились, но на улице по-прежнему было мерзко. Холодный, наполненный сыростью воздух пробирал насквозь. Земля раскисла, под ногами были лужи, и ветер, хоть и немного ослаб, но, время от времени, налетал порывами, заставляя ежиться от холода.

Маша покрутила головой, выискивая взглядом в вечерней темноте своего пса.

– Степка, все пойдем домой, я замерзла.

Послышался шорох, и из ближайших кустов, с палкой в зубах, выскочил Степка, представитель породы, гордо именуемой, джек-рассел-терьер, длинное название, которой, было обратно пропорционально крошечным размерам собаки. Подбежав к хозяйке, Степка мотнул головой и завилял хвостом, давая понять, что палку он принес для того, чтобы она с ним поиграла.

– Холодно, пойдем, – потрепав пса по холке, сказала Маша и бросила палку в темноту. Степка радостно рванул за ней. Маша развернулась в сторону подъезда. – Все, в следующий раз поиграем, на улице мерзко, – пряча руки в карманы пуховой безрукавки, сказала Маша вернувшемуся с палкой Степке. Пес припал к земле передними лапами и завилял маленькой пятнистой попкой и хвостом, торчащим вверх, как

стрела, надеясь, что хозяйка не устоит против подобных уговоров и все же побросает палку еще.

Сбоку из темноты, как всегда неожиданно, возник сосед Саня.

– Здорово, Мань! Как сама-то?

Маша не удостоила традиционный вопрос соседа ответом, пробурчав что-то нечленораздельное.

– С собачкой гуляешь? Это хорошо, Мань, с собачкой... Хороший мальчик, хороший!... – с трудом удерживая равновесие, Саня наклонился к Степке и погладил его. Степка радостно замотал задом, улыбаясь во всю пасть, выражая свое полное дружеское расположение к «своему». – Это ж у тебя мальчик, да, Мань? – глядя собаку грязной пятерней, уточнил Саня.

– Мальчик, – буркнула, менее дружелюбно настроенная, Маша.

– Как сама-то, Мань? – как ни в чем не бывало, в очередной раз, поинтересовался Саня.

– Нормально. Вот думаю, переехать что ли.

Опухшее лицо Сани погрузнело.

– Переезжаешь, Мань? – с самым серьезным видом спросил он.

– Нет, просто думаю, неплохо было бы. Чтобы никто из темноты на меня не выпрыгивал.

Саня расплылся в улыбке, продемонстрировав оба, еще присутствующих во рту зуба.

–Да ладно, Мань, я же не хотел напугать. Просто вижу, ты с собачкой гуляешь... Мань... дай полтинник,– мутные глаза смотрели преданно и печально.

–Саш, я с собакой гуляю, как ты сам заметил. У меня денег с собой нет.

–Мань, полтинник... Я отдам, честно... будут деньги, отдам... Видишь, хреново мне. Опохмелиться нужно. Мотор прямо дергает...

Саню и в самом деле заметно потрясывало. Маша порылась в кармане и выгребла завалявшуюся мелочь.

–На, держи, больше нет,– в очередной раз, чувствуя себя преступницей, потакающей чужому пьянству, сказала она. Просветлев лицом, Саня сгреб дрожащей рукой мелочь с ее ладони.

–Спасибо, Мань! Ты вот, человек, Мань... Вот, правда, человек... Я отдам... правда, Мань...

–Мне кажется, дешевле, да и правильнее, скинуться всем подъездом и вызвать тебе нарколога,– сердито сказала Маша, рассыпающемуся в благодарностях, и уже начавшему пятиться, в сторону магазина, Сане.

–Обижаешь Мань,– от возмущения Саня даже остановился. – Я ж не наркоман какой, чего это мне нарколога вызывать? Ты ж меня знаешь, я наркотиками не балуюсь. Ни-ни. Ты, что, Мань? Я ж вообще, так, просто попиваю чуть-чуть...

–Точно. Попиваешь,– кивнула Маша, понимая, что бес-

полезно тратить время и красноречие на объяснение в чем именно заключается сфера деятельности нарколога. Да и трубы у человека горят, и мотор дергает, чего его задерживать.

—Я наркотиками не балуюсь Мань, я тебе честно говорю. Так что ты зря, Мань,— с горячностью повторил, восстанавливая «доброе имя», Саня.

— Да, да, я знаю, Саш.

Саня расплылся в счастливой улыбке. Вопрос улажен, несправедливые подозрения в его адрес рассеялись. Все выяснилось и в кулаке у него деньги на пиво. Жизнь прекрасна.

—Ну, я побегу, Мань, а то мне в магазин... — Саня махнул рукой с зажатой в ней мелочью в сторону супермаркета, где продавались «живительные» для измученного организма, напитки.

—Угу,— пробурчала Маша, уже в достаточной степени утомленная этим общением, повторявшимся с незначительными изменениями почти ежедневно.

—Как сама-то, Мань?— донеслось уже издалека.

—Прекрасно!— огрызнулась Маша в темноту. — А ты чего? Лижешь тут всяким немытые руки и попой виляешь радостно? Ты меня защищать должен, а не радоваться всяким...

Степка, склонив голову на один бок, внимательно смотрел на хозяйку. «Так от кого защищать-то, это ж Саня, он же не всякий, он свой». Наклонив голову на другой бок, пес широко улыбнулся. «Ты ведь пошутила, да?». Хвост снова за-

ходил ходуном, туда-сюда, как дворники по стеклу машины.

–Степка, какой же ты дурачок, ничего ты не понимаешь,— засмеялась Маша. – Все, пошли, я окончательно замерзла, не хватало еще простудиться благодаря Сане с его светскими разговорами.

Степка потрусил к подъезду рядом с Машей, радуясь этой близости и тому, что сейчас, после того как его помогут и вытрут мягким полотенцем его ждет вкусный ужин, а потом он пристроится в ногах у хозяйки, на широком, удобном диване и будет спать. Предаваясь приятным мыслям, он не забывал внимательно посматривать по сторонам и принюхиваться, следя за тем, чтобы никакой «всякий» и в самом деле не приблизился к его хозяйке и не попытался ее обидеть. Если что, он в любой момент готов ринуться ее защищать и уж тогда обидчику придется несладко.

Глава 4

-Дамы и господа, разрешите представить – неподражаемый, великолепный, наделенный многочисленными и разнообразнейшими талантами, Максим Стрельников, – голосом ярмарочного зазывалы, радостно возвестил собравшимся в кабинете сотрудникам, Арсений.

–Ми-ми-ми! Парниша! Хо-хо!...– тихонько простонала Кира, глядя на вошедшего вслед за Арсением, высокого, широкоплечего, и в самом деле, неотразимого красавчика. Темные глаза главбуха полыхнули хищным блеском. – Какой мужик!

Маша спрятала улыбку. Все собравшиеся с интересом рассматривали столь восторженно представленного им гостя. Единственным исключением была, «председательствующая» во главе стола, Фаина Родионовна. Редакторша сидела с хмурым выражением на лице. Брови сдвинуты, губы плотно сжаты. Она даже не взглянула в сторону вошедших, уставившись прямо перед собой тяжелым взглядом. Было очевидно, что затея племянника ей по-прежнему не по душе.

–Наш обворожительный Арсений рядом с ним – беспородный щенок, – склонившись к Машиному уху, прошептала Кира. Маша вновь едва сдержалась, чтобы не рассмеяться. Арсений, в данный момент, переполняемый эмоциями, сияющий и возбужденный до крайности и впрямь напоми-

нал радостного щенка. Еще чуть-чуть и начнет вилять попой, прямо как Степка.

— Прекрати, — шикнула Маша на подругу, ведущую себя неподобающе несерьезно для главбуха.

— Так бы и съела его, — вновь сверкнув глазами, прошептала Кира. Маша заметила, что арт-директор Денис метнул в их сторону сердитый взгляд. Решив, что их перешептывания на самом деле не такие уж неслышные для остальных, Маша, на всякий случай, еще и пихнула Киру локтем в бок, давая понять, что ей пора прекратить отпускать дурацкие комментарии и вести себя посерьезнее.

— Итак, все мы прекрасно знаем, что Макс, талантливый и очень популярный радиоведущий, и как я уже сказал ранее, человек необычайно многогранный. И вот недавно Макс решил попробовать проявить свой талант в новой для себя области и написал книгу. — Арсений обвел присутствующих взглядом, и, выдержав небольшую паузу, торжественно добавил: — Книгу, которая, просто обречена стать бестселлером. Супермегахитом.

Рот издателя расплывался до ушей, демонстрируя все тридцать два безупречных зуба. Автор будущего супермегахита улыбался не менее ослепительно, поглядывая на эмоционального издателя с некоторой снисходительностью. Так, как старший брат смотрел бы на младшего, когда тот пришел бы в чрезмерный восторг, получив игрушку, о которой он долгое время мечтал.

–Мне уже даже неловко,– смеясь, сказал радиоведущий. Совершенно очевидно было, что ни смущения, ни неловкости он на самом деле, вовсе не испытывает.

–Арсений Дмитриевич, может быть мы уже, наконец, обсудим творение господина Стрельникова с профессиональной точки зрения,– проворчала Фаина Родионовна, одарив при этом племянника сердитым взглядом. –Думаю, он, также как и мы, ценит свое время. И при такой занятости, навряд-ли, может позволить себе терять его впустую.

–Мамонтиха, прямо, непрошибаемая тетка. Как всегда в своем репертуаре,– снова склонилась к Машиному уху Кира.– Даже такой, практически, переплюнувший десять раз Аполлона, и то не тронул холодное, злобное сердце старой карги.

Маша сердито посмотрела на бухгалтершу. Еще чуть-чуть и их, как в школе, попросят удалиться за дверь за разговоры. И, возможно, именно «старая карга».

–Думаю, все собравшиеся здесь и я, в том числе, и в самом деле, люди занятые,– с улыбкой сказал гость. – Да и мне бы не хотелось понапрасну злоупотреблять ни вашим временем, ни вниманием. Хочу поблагодарить за радушный прием и за столь лестную, но явно не заслуженную оценку, как моей персоны, так и моего скромного произведения. И предлагаю считать знакомство состоявшимся и перейти к делу. – Радиоведущий с улыбкой кивнул Арсению, как бы предлагая ему «командовать парадом» дальше.

–Боже! Кажется, у меня сейчас будет оргазм,– Кира сделала губами еле уловимое, и при этом очень эротичное движение.

–Ненормальная маньячка,– не удержавшись, прошептала развеселившаяся Маша.

–О! Еще какая. Ты даже не представляешь,– ухмыльнулась Кира, пожирая глазами радиоведущего. Маша снова пихнула ее в бок, чувствуя, что сейчас и впрямь не выдержит и рассмеется. Она перехватила еще один взгляд арт-директора. На этот раз он был откровенно злобный. Заинтригованная столь странным поведением, в общем-то, не отличающегося особой серьезностью, и тоже любящего пошутить и подурачиться, Дениса, спустя какое-то время, она вновь посмотрела в его сторону. Но Денис больше не обращал внимания на подруг. Сидел, с задумчивым видом, уткнувшись взглядом в крышку стола. Маша решила, что ей, наверное, просто показалось, и возможно он вообще не на них смотрел перед этим. Может быть, у человека какие-то свои неприятности или переживания, а она, из-за их болтовни чего-то там напридумывала. На воре и шапка горит, как говорится.

–Прекрасно! Действительно, давайте начнем,– хлопнув гостя по плечу, сказал Арсений.

Представив радиоведущему всех собравшихся сотрудников, Арсений галантно предложил Фаине Родионовне «направлять» дальнейший ход встречи, но она от подобной чести отказалась, вернув бразды правления племяннику. За

все время обсуждения всевозможных моментов, связанных с выходом будущего, как утверждал Арсений, супермегабестселлера, она не проронила ни слова. Когда основные вопросы были обговорены, и встреча подошла к логическому завершению, Арсений, пребывавший в некотором замешательстве, вызванном странным поведением тетки, счел своим долгом «урегулировать» ситуацию.

–Все мы готовы в любой момент помочь с любыми возникающими у тебя затруднениями, Макс. А Фаина Родионовна, наш главный редактор, ум и сердце нашего издательства, разумеется, станет твоим «проводником», «гуру», путеводной звездой в мире книгоиздания. И обеспечит тебе всестороннюю поддержку и помощь буквально во всем, что касается твоей книги.

Радиоведущий обаятельнейше улыбнулся редакторше. От такой улыбки даже кусок льда не выдержал бы и растаял, но на Фаину Родионовну очарование новоявленного автора, любимца сотен тысяч радиослушателей и миллионов телезрителей, совершенно не действовало. Лицо ее по-прежнему оставалось мрачным и недовольным.

–Я, в данный момент крайне занята,– сказала редакторша, – а так, как, господин Стрельников, у нас приоритетный клиент, ему, возможно, потребуется уделять гораздо больше времени, чем то, которым я располагаю. Все вопросы, господин Стрельников, Вы можете решать с Марией Александровной, моим ассистентом. Мария Александровна настоящий

профессионал в издательском деле и сможет Вам помочь с разрешением любой спорной или затруднительной ситуации.

Радиоведущий отвесил редакторше почтительный полупоклон, в смеющихся глазах читалось, что ее уловка насчет занятости не ввела его в заблуждение, и он прекрасно понимает истинную причину нежелания работать с ним лично. Арсений, стараясь не подавать вида, что что-то не так одарил тетку злым взглядом, решив потом серьезно поговорить с нею. Маша, услышав слова начальницы, застыла от изумления с приоткрытым ртом и глуповатой улыбкой. Такого, чтобы Фаина Родионовна демонстративно «открещивалась» от важных клиентов в присутствии половины сотрудников, да еще и самого клиента, никогда раньше не случалось. Маша, естественно, могла помогать, и авторы постоянно обращались к ней с различными вопросами и просьбами. Фаина Родионовна и впрямь была человеком крайне занятым, да и не всегда ее можно было застать в издательстве. Маша вполне могла помочь решить любой из возникших вопросов. Но попросту полностью устраниться, сославшись на нехватку времени, главный редактор, по идее, не то, что не мог, это было крайне не этично, вызывающе.

– Прекрасно, Мария Александровна, Маша и впрямь настоящий профессионал, знаток своего дела. Значит, твоим гуру будет она, – сглаживая неловкую ситуацию, рассмеялся, уже успевший оправиться от первоначального шока, Арсений. – Уверен, Фаина Родионовна, в случае необходимо-

сти, тоже выкроит в своем плотном графике время, и окажет необходимую поддержку, – издатель бросил многозначительный взгляд на родственницу. – Так, что ты, Макс, в надежных руках, и тебя будут опекать сразу два профи. Ты везунчик! Как обычно.

Смеющееся лицо радиоведущего повернулось к Маше.

–Надеюсь, я не буду отнимать у Вас слишком много времени, Маша. Но так как я в издательском деле новичок, полный профан, заранее прошу проявить снисхождение.– Улыбка у него была потрясающая, и глаза, искрящиеся смехом и одновременно с тем наполненные какой-то необычайной внутренней силой, энергией завораживали, притягивали к себе, как магнит. Рядом с ним все остальные присутствующие казались какими-то блеклыми, невыразительными.

–Все, я тебя прикончу, Морозова! Это же, фактически, официальный доступ к телу,– прошептала Кира.

Мысленно решив, что сама прикончит подругу, как только встреча закончится, и они окажутся за пределами кабинета, Маша растянула рот до ушей, в ответной улыбке, радуясь больше всего тому, что улыбаться понадобилось очень вовремя.

–Ну, будем считать, что заседание прошло успешно и плодотворно. Мы все познакомились. Макс посмотрел на нас. Мы посмотрели на него. Теперь, имея представление друг о друге, и об основных моментах, связанных с изданием данной книги, можно смело браться за дело,– бодро подвел итог

встречи Арсений. – Пока все не рванули подальше от начальства – какие-то вопросы у кого-нибудь еще остались?

Вопросов ни у кого не осталось. Всем хотелось «рвануть». Покурить, выпить кофе, сделать телефонные звонки, заняться своими делами, рабочими, а возможно и личными, одним словом, засидевшиеся сотрудники желали поскорее «на волю».

–Макс, не слишком торопишься?– поинтересовался Арсений. – Нужно обсудить еще пару моментов.

–Сейчас вернусь,– улыбнулся радиоведущий.

–Ну, ты вообще,– с сердитым видом прошипел Арсений, направившейся к дверям тетке. – Я такого даже от тебя не ожидал.

Фаина Родионовна невозмутимо посмотрела на племянника и пожалала плечами.

–Я сразу была против этой затеи. Я тебя предупреждала.

Редакторша вышла за дверь. Арсений покачал головой. Ну что за человек? Если упрется, то все, не переубедишь ничем.

–Фаина Родионовна, – радиоведущий подошел к редакторше и пошел с ней рядом. – Мне бы хотелось поговорить с Вами, – он улыбнулся. – Обещаю, что не задержу Вас. Отниму буквально пару минут.

–Разумеется, давайте поговорим,– холодно сказала Фаина Родионовна.

–Вам не понравилась книга?– спросил Стрельников, когда

они вошли в кабинет редакторши.

Фаина Родионовна посмотрела в излучающие энергию и какое-то невероятное, почти гипнотическое обаяние, глаза.

–Вы хорошо пишете. Живо, образно, простым и понятным читателю языком. Книга читается легко и не возникает желания отложить ее из-за того, что становится скучно. Умение увлечь читателя – это один из признаков писательского таланта.– Редакторша откинулась на спинку кресла и скрестила пальцы рук. – Задача любого автора – дать пищу для ума, подтолкнуть к размышлениям, заставить мозг работать, делать выводы. Хороший писатель делает это ненавязчиво, таким образом, что читатель получает наслаждение и одновременно черпает и впитывает что-то новое для себя. С этой точки зрения Ваша книга написана прекрасно. Но то, чему Вы учите, переворачивает с ног на голову общепринятые представления о морали и нравственности. Главная идея Вашей книги – цель оправдывает средства. На примере собственной жизни Вы показываете читателю «путь», как преуспеть в современном жестоком мире. Вы известны, успешны, богаты. И Вы достигли всего этого сами. Учитывая Вашу популярность, Ваша книга будет иметь успех. Ее будут покупать, так как людям всегда интересно узнать того, кто им нравится, кем они восхищаются, с новой, ранее неизвестной стороны. И Ваша книга, написанная, как я уже сказала, живо, доходчиво и вполне увлекательно, будет восприниматься, как пособие, инструкция, как именно нужно действовать,

чтобы добиться успеха. И с этой точки зрения Ваша книга – яд, отравка для ума. Наш мир и так полон равнодушия, вранья, подлости, грязи и жестокости. Если писатели и прочие публичные люди, начнут утверждать, что вполне нормально, хорошо и правильно ради собственных интересов поступаться интересами всех остальных, общество, в скором времени, окончательно деградирует и превратится в сборище подонков и негодяев. Отпадут все моральные запреты, не позволяющие совершать совсем уж недостойные или даже преступные действия. Граница между «хорошо» и «плохо исчезнет», она и так уже размыта и едва заметна. Я выросла в другое время и воспитывалась на совсем иных ценностях, нежели у нынешних молодых людей. Поэтому я четко вижу насколько изменились представления о том, что допустимо, насколько люди становятся беспринципны, ради выгоды готовы на все. Мы сами себя уничтожаем. То, что происходит, действует разрушительно. Человек превращается в лишенное совести, а возможно, и самой души, существо.

Редакторша немного помолчала. Радиоведущий стоял с серьезным лицом, не пытаясь перебить или начать возражать.

–Если бы все зависело только от меня, Ваша книга не была бы напечатана.– Фаина Родионовна невесело усмехнулась. – Я прекрасно понимаю, что если книгу не выпустим мы, другие издатели, в любом случае, не упустят такую возможность. Беспроигрышный вариант. Автор – известная

личность, вызывающая симпатию у публики. Успех обеспечен. – Фаина Родионовна покачала головой. – Но сама я не хочу быть причастна к этому. К сожалению, Арсений в данном вопросе настроен решительно и не прислушивается к моим словам.

–Фаина Родионовна, мне жаль, что моя книга послужила причиной Ваших разногласий с Арсением и то, что она Вас огорчила, мне тоже искренне жаль.– Макс Стрельников приложил руку к груди. – Я много слышал о Вас и отношусь с искренним уважением и восхищением к Вам, как к человеку и как к истинному профессионалу своего дела. Не буду рассуждать о том, насколько губительны произошедшие в обществе изменения. Во все времена человек стремился к лучшей жизни, к благам и не слишком считался, при достижении желаемого, со своими собратьями. Мы существа крайне эгоистичные, да к тому же и ненасытные. Нам всегда мало, всегда хочется чего-то еще. Я, например, ни разу не встречал человека, который сказал бы: «У меня есть все. Больше мне ничего не нужно». Желания возникают в нас быстрее, чем мы успеваем насладиться уже полученным.– Он пожал широкими плечами. – Так уж мы устроены. Любим брать, при этом стараясь отдавать взамен, как можно меньше, а желательно и вовсе ничего. На самом деле, я не ставил, разумеется, себе целью, отравлять умы или как-то вредно влиять на них. Я просто хотел показать, опираясь на собственный пример, что в нашем, и впрямь жестоком мире, вполне можно

преуспеть. Главное верить в себя и идти к своей цели твердо, не отступая, не поддаваясь сомнениям.

–Думаю, этот разговор не имеет смысла,– потирая уставшие глаза, сказала Фаина Родионовна. – Каждый из нас останется при своем мнении. Вы задали мне вопрос, я на него ответила. Мне нужно вернуться к работе.

Радиоведущий почти с нежностью посмотрел на нее.

–Поверьте, я бы, как и Вы, искренне желал, чтобы мир был лучше и чище. Но он таков, какой есть. И, чтобы выжить, нужно приспосабливаться к существующим условиям. Я просто продукт своего времени. Как и все мы. И все мы живем, подчиняясь законам этого самого времени.

Радиоведущий направился к двери. Уже на пороге он обернулся.

–Прошу прощения, что задержал и отнял времени больше, чем обещал.

Фаина Родионовна ничего не ответила.

—

–Я тебя убью,– со смехом сказала Маша, когда они вышли из кабинета издателя. Кира хмыкнула.

–Ох, Морозова, тебе Мамонтиха, как добрая фея, буквально подарила сказочный шанс. Но зная тебя, уверена, ты даже не попытаешься им воспользоваться. Какая несправедливость! Уж я-то бы точно не упустила представившейся возможности.

Маша покачала головой. Кира неисправима.

–О, смотри-ка, а вон и твой шизоид нарисовался,– красивые губы изогнулись в насмешливой улыбке. –Сегодня прямо твой день, Машка!

Маша повернула голову и застыла. Возле ее стола, на стуле «для посетителей» сидел мужчина, одетый явно не по погоде в легкий светлый плащ и широкополую фетровую шляпу. Напряженная, неестественно прямая спина и находившееся в непрерывном движении колено, подскакивающее вверх и вниз, выбивая каблук ботинка дробь, свидетельствовало о крайней степени нервозности и нетерпения посетителя.

–Черт!– Маша страдальчески сморщилась. Мелькнула даже мысль спрятаться и переждать, пока нервный гость уйдет. По опыту Маша знала, что, к сожалению, переждать не удастся. Тот, кто ее ждал, так и будет сидеть, тряся коленкой, хоть до вечера и не двинется с места, пока не переговорит с ней.

–Пошли его на ...– Посоветовала Кира, которая, Маша даже не сомневалась, на ее месте, именно так бы и поступила.

–Возможно, в конце концов, я так и сделаю,– обреченно пробормотала Маша и пошла к своему столу.

–Здравствуйте, Лев Николаевич.

Посетитель вскочил и впился в Машу сердитым взглядом блеклых серо-водянистых глазок.

–Маша! Ну, где Вы ходите?! Я жду полчаса, не меньше.

–У нас было совещание,– прикидывая, не воспользовать-

ся ли и впрямь Кириным советом, ответила Маша.

–Совещание, – проворчал тезка великого классика, снова усаживаясь на стул. Наклонившись, он извлек из-под него потертый портфель и зашуршал его содержимым.

–Вот,– тощая лапка плюхнула перед Машей, перевязанную веревочкой, картонную папку. – Хоть ваше издательство и недооценивает мое творчество, я все же решил дать вам еще один шанс и не обращаться пока в другие. Это моя новая книга.

Он постучал пальцем с обгрызенным ногтем по папке.

–Вы должны прочесть,– тоном, не терпящим возражений, сказал писатель.

Судя по толщине папки, новая книга была страниц на триста, не меньше. Маша вздохнула.

–Лев Николаевич, Вы же знаете наши требования. Мы не принимаем рукописные тексты. Пришлите нам свою книгу...

–Роман.

–... роман в электронном виде...

–Это все она! Она!...– вскочив с места, Лев Николаевич заходил перед Машиным столом, грозя пальцем в сторону кабинета главного редактора. –Она строит козни против меня! Устанавливает идиотские правила. Строит препоны, лишь бы не дать моему таланту пробиться. Читатель должен иметь возможность познакомиться с истинным творчеством, а такие как она, не дают им этой возможности, ограничива-

ют...

–Лев Николаевич! Не нужно кричать. Присядьте,– попыталась успокоить, разошедшегося писаку, Маша. Лев Николаевич покосился на стул, посмотрел на Машу, и, после некоторого раздумья, все же сел.

–Вы, Маша, не такая как «она»,– он снова погрозил пальцем в сторону двери редакторши. – Я знаю, вижу по Вашим глазам, что Вы не станете лгать и зарывать чужой талант. Вы должны прочесть и повлиять...– Бесцветные глазки указали в сторону «ее» кабинета.

–Я никак не могу повлиять... – попыталась прервать, надоевшего ей до чертиков, посетителя Маша.

–Вы можете дать понять, что Ваша руководительница,– последние слова были произнесены нарочито презрительно, – должна, наконец, внять голосу разума и отбросить свои амбиции и предвзятость по отношению ко мне. Пусть она ненавидит меня, но почему читатель должен страдать из-за того, что госпожа Мамонтова, видите ли, не может признать собственных ошибок, согласиться, что была неправа, недооценив мои произведения.

–Ну что за ерунда! Никто Вас не ненавидит,– начиная уже всерьез раздражаться, сказала Маша.

Глаза писателя сузились и губы изогнулись в насмешливой улыбке.

–Вы, Маша, очень наивны, что простительно в силу Вашего юного возраста. В ваши годы я тоже был полон доверия

к людям, питал надежды. Мое сердце было распахнуто для всех...

– Лев Николаевич, – на этот раз, Маша постучала пальцем по папке с шедевральным творением. – Наше издательство, как и большинство издательств в наши дни, принимает рукописи в электронном виде. И это не прихоть главного редактора или еще кого-то. Просто, это удобно. Это облегчает работу над рукописью и экономит огромное количество времени, как сотрудникам издательства, так и автору.

– А чем плох машинописный текст? Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Пастернак, Шолохов, Шукшин они как-то справлялись без компьютера и их редакторы, корректоры и все прочие тоже!

Лев Николаевич нервно дернул головой.

– И вообще я не доверяю компьютерам. Все эти хакеры или как их там... Словом, любой, кто мало-мальски разбирается в технике, может перехватить, присвоить себе право обладания.

Лев Николаевич придвинул папку ближе к Маше.

– Вы прочтете?

– Да. Прочту, – в знак доказательства, Маша взяла папку и засунула ее в свою сумку. Вот – папка в сумке, а теперь не пора ли господину писателю и честь знать? Из кабинета редакторши вышел радиоведущий. Он дружески кивнул Маше и завернул за угол, в сторону кабинета Арсения. Маша тоскливым взглядом проводила атлетически сложенную фигуру.

—Когда? Когда Вы прочтете?— блеклые глазки впивались в Машино лицо двумя буравчиками.

—Позвоните в конце следующей недели. А лучше, я сама Вам позвоню...

—В конце следующей недели?! Маша! Сегодня четверг. Впереди выходные, полно времени... Я приеду, скажем, во вторник.

Страшно хотелось воспользоваться Кириным советом. Но видимо, точка кипения еще не дошла до предела, и победили врожденная интеллигентность и приобретенная позже воспитанность, так и не дав осуществиться желаемому.

—Во вторник,— повторил автор и поднялся, подхватив портфель.

—Вы можете позвонить, незачем приезжать,— твердо сказала Маша, желая избавить себя хотя бы от еще одной личной встречи.— Хотите я сама позвоню.

Лев Николаевич с сомнением посмотрел на нее.

—Хорошо, во вторник я Вам позвоню,— он энергично мотнул головой и зашагал к выходу, как и прежде, держа спину настолько прямо, что создавалось впечатление, что мышцы свело судорогой и от этого его слегка выгибает назад.

—

Незадолго до обеда позвонил Влад.

—Привет, я почти соскучился,— промурлыкал мобильник приятным баритоном.

Маша улыбнулась. Судя по голосу и игривому настрое-

нию, сегодня у приятеля был удачный день, который не был омрачен ни какими очередными неприятностями и происшествиями.

–Ну что, на завтра планы не поменялись? Все остается в силе?

Маша слегка нахмурилась. Они договаривались встретиться в пятницу вечером. Бывший муж должен был забрать детей на выходные, и Маша могла распоряжаться своим временем по своему усмотрению и предаться «безумствам и разгулу». Но накануне муж позвонил и сообщил, что у него приехать в пятницу не получается, что-то там с работой не складывается, и перенес свой приезд на утро субботы.

–Ну, в субботу, так в субботу,– выслушав Машу, с легкостью согласился Влад. Очевидно, день и впрямь удался.

Положив телефон, Маша некоторое время смотрела в раздумье на погасший экран. Отлично, в субботу они встретятся, проведут вместе вечер и, естественно, ночь. Конечно, это приятно, но... Ну, почему каждый раз возникает это самое «но». Что не так? Чего ей не хватает?

Роман длился уже четыре месяца. Они познакомились на одном мероприятии, связанном с развитием бизнеса, куда ее затащил Арсений. Сам издатель, кстати сказать, быстренько упорхнул с очередной блондинкой. Маша, какое-то время, общалась с несколькими другими приглашенными, с которыми была знакома до этого, а потом, когда она начала подумывать о том, чтобы уйти, появился он, Влад. После вечера

он довез ее до дома. Потом был ужин в ресторане, потом еще один. Как-то незаметно все перешло в более близкие, чем просто дружеские, отношения. Встречи, в основном, происходили по выходным. Иногда встречались в будние дни, но редко, так как Маша могла задержаться с возвращением домой часа на два, не больше, а взрослым, работающим людям, живущим в разных концах большого города, подобный вариант не слишком удобен. Когда Маша пыталась размышлять, что же именно не позволяет ей наслаждаться их отношениями, ничего путного, объясняющего какую-то внутреннюю неудовлетворенность, в голову не приходило. Одна ерунда, даже скорее глупость. Все попытки разобраться в себе, своих мыслях и чувствах сводились к тому, что ей не хватает легкости, какого-то ощущения, что мир вокруг наполнен новыми, яркими красками, волшебством. А сердце трепещет в груди и кажется, что за спиной крылья и ты вот-вот взлетишь от переполняющих тебя чувств. Ну, какие крылья, скажите на милость, когда тебе за тридцать и за плечами уже целый багаж разочарований, забот, тревог и обязательств? Сердце трепещет и крылья вырастают, а мир прекрасный и яркий лет в восемнадцать, когда ты еще ничего не знаешь о жизни, когда ты наивный идеалист, пребывающий в полной уверенности, что у тебя все будет не так как у всех остальных, а замечательно и прекрасно. Твоя жизнь будет безоблачна, и будет напоминать волшебную сказку. Всегда. Маша понимала, что мысли эти глупые, и ее недовольство тоже. Но сердце

отчаянно просило полета. Маша раздражалась сама на себя. «Ты сама себя накручиваешь, вот тебе и кажется, что чего-то не хватает и что-то не так. Все так. Все прекрасно». На время это срабатывало, а потом опять накатывало непонятное тревожащее, бередящее душу чувство.

–Ну, может тебе страсти в отношениях не хватает?– предположила Кира, когда Маша как-то, во время доверительного разговора, сообщила ей о своих сомнениях. – Он в постели как? Секс тебя устраивает?

Маша сердито посмотрела на подругу. Никакого отношения к постели, ну или почти никакого, ее душевные метания не имели.

–Устраивает,– буркнула она. – Дело не в этом. Я про другое...

Кира махнула рукой.

–Дело всегда в этом. Уж поверь. Ну, а если тебе какой-то там романтики хочется, ну намекни. Вообще, все мужики, примерно, одинаковые, так, что если в постели все нормально, то и не изводи себя.

–Да я сама не знаю, чего мне хочется, чего не хватает,– вздохнула Маша.

–Вот именно,– Кира разлила по бокалам остатки красного вина, которое они пили во время своей беседы по душам.

–Знаешь, просто бывает, что ты чувствуешь, что ты с человеком на одной волне. А я не знаю. Мне кажется, я не чувствую.

Кира покачала головой.

– Любишь ты заморачиваться, Машка.– Она пожала плечами. – Ну, найди себе другого мужика, в конце концов, если этот не устраивает.

– У тебя все так просто. Он мне нравится. Мне с ним хорошо. Просто мне-бы хотелось, чтобы наши отношения, как-то, чуть-чуть изменились, что ли. Стали более, не знаю, непринужденными, радостными... Между нами, то и дело какой-то напряг.– Маша слегка смутилась.

– Ой, не могу. Радостными и непринужденными. Какой-то напряг. Да устройте какое-то безумство. Не знаю, какие-то ролевые игры. Вот тебе и непринужденность и радости хоть отбавляй и никакого напряга, одно сплошное удовольствие.

– Господи, ну почему ты все сводишь к этому. Жизнь состоит не только из процесса спаривания. Отношения между людьми строятся, в первую очередь, не на этом.

– Да, а жаль,– ухмыльнулась Кира. – Все было бы намного проще и гораздо приятнее.

Маша засмеялась.

– Ты просто ужасная!

– Я, просто реалистка. Чем больше усложняешь, тем труднее живется.

—

– Ну что ты идешь? Надеюсь, старая карга тебя работой не завалила, так, что ты даже пообедать не сможешь пойти? – подходя к Машиному столу, ухмыльнулась Кира.

Маша взяла сумку и пальто.

– Как со своим чокнутым дружкой-писателем пообщалась?

Маша закатила глаза.

– Не напоминай.

Кира рассмеялась.

Из коридора, ведущего к кабинетам «руководящего состава», показались издатель, арт-директор Денис и «гвоздь сегодняшней программы» радиоведущий.

– Я уж думала он давно у себя на радио или на телевидении, или где он там тусуется, – сказала Кира, изобразив томный взгляд.

– О, привет, милые дамы, а мы как раз собрались победать, составите нам компанию? – расплывшись в радостной улыбке, обратился Арсений к подругам. Он оглянулся на спутников, ища поддержки, мол, давайте ребята, уговорите милых дам, они это любят.

– Маша, Кира, – радиоведущий тоже одарил девушек своей очередной невероятной улыбкой, – будем счастливы, если вы скрасите наш обед своим присутствием.

Денис молчал, хмуро разглядывая что-то на полу возле своих ног.

– Спасибо за приглашение, но сегодня мальчики обедают отдельно, а девочки отдельно. У Вас свои мужские разговоры, не будем вам мешать. Думаю, если вы захотите разбавить компанию женским обществом, у вас троих невероят-

ных мачо проблем с этим не возникнет,— ослепительно улыбаясь мужчинам, сказала Кира. Маша, стараясь скрыть изумление высказанным Киной отказом, покосилась на нее.

—Ладно, — Арсений пожал плечами. — Жаль, но не хотите, как хотите. Может, в другой раз.

—Обязательно,— вновь одарила мужчин улыбкой бухгалтерша.

Отвергнутые подругами кавалеры, скрылись за дверью.

—Я что-то не поняла,— засмеялась Маша, продолжая пребывать в полном недоумении. На лице ее отражалась смесь удивления и искреннего любопытства,— с чего это ты вдруг отказалась? Я думала, ты только и ждешь возможности пообщаться с нашим звездным обворожителем поближе. Не скажу, что я сильно расстроена, что мы не приняли приглашения, но почему ты не захотела пойти? Такой шанс...

—Общаться поближе нужно тет-а-тет, а не когда вокруг еще куча народа,— пожав плечами, холодно сказала Кира. — Наш Арсений сейчас будет болтать, не закрывая рта, блистать своим остроумием. Ты же его знаешь. Тем более, он сегодня весь такой перевозбужденный. А Воронцов с такой кислой рожей стоял, что сидеть с ним за одним столом вообще не хочется, весь аппетит испортит. Я лучше подожду другого, более удачного момента. Не хочу портить первое впечатление, — Кира натянуто улыбнулась.

—Да, кстати, ты заметила, что Денис сегодня вообще какой-то странный. У него такой взгляд был, когда мы в ка-

бинете Арсения сидели, как будто он злиться на что-то или сильно расстроен. Может у него что-то случилось?

Кира передернула плечами.

–Может, не знаю. Творческие люди они вообще странные. У них свои тараканы в голове. Может, у нашего суперталантливового арт-директора случился творческий кризис.– Последовала еще одна натянутая улыбка. – Ладно, пошли, а то так обед закончится, и старая мегера, потом, весь мозг проест, будет скрипеть, что мы опоздали. По крайней мере, что я, так точно.

—

–Нет, все-таки годы учебы в университете – это самое лучшее время, – сделав глоток вина из своего бокала, сказал Арсений. – Время абсолютной свободы, беззаботности, настоящих безумств и веселья.

–Да, время когда ты свободен от обязательств, молод и безрассуден и впрямь прекрасно,– рассмеялся Макс. – Вся жизнь впереди и ты полон надежд, а каждый день это праздник.

–Мы в университете отрывались по полной. Лазили в женское общежитие на второй этаж по связанным простыням,– Арсений радостно рассмеялся. – Все пьяные, удивительно, что никто из нас не сорвался и не покалечился или вовсе не убился. Мы это называли «приступом крепости». А на верху нас уже поджидали прекрасные Дульсиinei. А еще устраивали ночные гонки по бывшему колхозному полю. Выезжа-

ли из города и носились на сумасшедшей скорости. Побили кучу машин. И опять же, никто не разбился и даже не переломал себе ничего, так по мелочи, бывали синяки и ссадины. Мы были абсолютно безбашенные, не имели представления, что такое страх. Вероятно, опять же, из-за большого количества спиртного, выпитого перед этим. А победителю гонок доставался приз – поцелуй с самой красивой из присутствующих девушек. Чаще всего, поцелуем дело не ограничивалось, да и приз доставался не только победителю, девушек, желающих выразить восторг отчаянным смельчакам, хватало, – Арсений подмигнул своим спутникам и потянулся, поведя плечами. Присутствующие в зале дамы украдкой бросали взгляды на троих необычайно привлекательных молодых мужчин, собравшихся за одним столом. – А мы как-то, прямо во дворе университета, установили мощные колонки, принесли музыкальную установку и исполнили пару песен Rammstein. – Радиоведущий весело рассмеялся. – Получилось очень здорово и очень громко. Было ужасно весело. Все студенты, присутствовавшие на нашем маленьком концерте, были в восторге, в отличие от руководства университета, пригрозившего нам отчислением. В виде исправительно-трудовых работ, нам, как зачинщикам нарушения порядка, пришлось, во время каникул, заниматься ремонтом одной из аудиторий и коридора.

Мужчины чокнулись и выпили за свою бесшабашную юность и милые сердцу воспоминания о совершенных ими

в то время «подвигах».

– Наш город, по сравнению с Москвой, можно сказать, совсем небольшой. Народ там попроще, – Арсений засмеялся, – и у девушек запросы не такие, как в Москве. Я-то, разумеется, рвался получать вышку в столицу, в город безграничных возможностей, нескончаемого веселья и развлечений и человеческих страстей. Но родители, посчитав меня недостаточно серьезным, и имеющим склонность к авантурным приключениям, в категоричной форме настояли, что в ВУЗ я поступлю у себя в городе. Решили, что мне необходим контроль, ну, или хотя бы, его видимость. Чтобы я не пустился уж совсем во все тяжкие. Одним словом, оставили меня под своим бдительным оком. Я тогда, конечно, страшно злился, обижался, считая, что мои законные права ущемляются. Но сейчас я нисколько не жалею. Было прикольно. Скучать уж точно не приходилось. Хотя, тут, в Москве, студенту, однозначно, есть, где развернуться. – Он лихо тряхнул светлыми кудрями и рассмеялся. – Безграничный простор для любителей оторваться и насладиться жизнью и всеми ее прелестями. Эх, Москва, уж я бы точно не упустил данных тобою возможностей.

Макс Стрельников с некоторым удивлением посмотрел на издателя.

– Я был уверен, что ты родился и вырос здесь, коренной житель столицы, – улыбнулся радиоведущий. – А ты, оказывается, как и я, из «понаехавших». Еще один покоритель

Златоглавой.

–Ну, я, честно сказать, не то чтобы покоритель,– изобразив смущение, развел руками издатель. – Стыдно признаваться, но от фактов никуда не денешься, в отличие от тебя и от Дениса, который тоже, как и мы, из глубинки, мне место под столичным солнцем отвоевывать не пришлось. Я получил, как говорится, все на блюдечке, уже готовенькое, благодаря отцу.

–Хорошо, когда есть на кого опереться,– усмехнулся Стрельников. – Не нужно ломиться в запертые двери, пробивать себе путь сквозь равнодушие и безразличие всех вокруг, в попытке зацепиться, удержаться и не рухнуть в пропасть, а наоборот, подняться наверх. Никто бы не отказался получить все в готовом виде, так что тебе очень сильно повезло. Баловень судьбы Арсений Веснин.– Радиоведущий поднял бокал и подмигнул. – Должно же кому-то в этой жизни, просто везти.

Арсений присоединился к нему и пригубил вино. Вид у него был радостный, беззаботный, как будто он и впрямь вновь вернулся во времена юности, в студенческие годы.

–Дэн, а ты чего молчишь?– заметив хмурое лицо приятеля, обратился к нему Арсений.– Давай, твоя очередь, поделись своими подвигами. Уверен, ты тоже не был пай мальчиком во времена студенчества. Наверняка есть что вспомнить. Давай, колись, приятель, твоя очередь рассказать о своих юношеских подвигах. Что-нибудь попикантнее.

Денис весь обед молчал. Услышав обращенные к нему слова, он натянуто улыбнулся.

– Да, ладно, Дэн, не скромничай, давай,– продолжал подбадривать его Арсений.

– Да, хорошее время было,– довольно кисло, как будто через силу, выдавил Денис. – Но, ничего такого выдающегося, как-то на ум не приходит.

– Ты чего такой сегодня, вообще?– видя, что приятель ведет себя странно, не в своей обычной манере любителя поболтать по-дружески и посмеяться, поинтересовался Арсений.

– Да так, ерунда. Все нормально,– улыбнувшись, уверил Денис.

Арсений открыл рот, чтобы еще что-то спросить, но тут к столику подошла официантка, узнать, не хотят ли гости еще чего-нибудь. Пока Арсений беседовал с девушкой, естественно, не упуская случая пустить в ход свои чары обольстителя и слегка пофлиртовать, Денис поднялся и направился в уборную. За время его отсутствия разговор переключился на тему спорта, затем плавно перешел на прекрасный пол, а в конце обеда коснулись даже внешней политики. Но эта тема показалась скучной и быстро себя исчерпала. После этого радиоведущий, у которого была запланирована встреча на телевидении, распрощался с приятелями и уехал, а они вернулись, наконец, в издательство, каждый к своей работе, заниматься которой, впрочем, хоть и по разным причинам

им обоим сегодня уже не хотелось.

Глава 5

–Федя, не размахивай вилкой! Сейчас твоя котлета улетит, что, разумеется, порадует Степку, но не порадует меня,– сделала замечание младшему сыну Маша. – А к нам сегодня приезжал Макс Стрельников, известный, как сказал Арсений, радиоведущий. Будет издавать у нас свою книгу.

–Вау! Блин! Он такой офигенный!– восторженно отозвалась Вера, старшая сестра Федьки и томно закатила глаза. – Мам, ты у него автограф взяла?

Маша пожалала плечами. Она не ожидала, что ее дочь такая радиолобительница.

–Нет. Я вообще не думала, что ты слушаешь радио,– Маша улыбнулась. – Я-то сама вчера впервые в жизни о нем услышала. О Стрельникове. Насчет существования радио я узнала немного раньше,– смеясь, добавила она.

–Мам, ну ты, что?! Его же по телевизору все время показывают. Да его все знают. Он такой крутой! Ужасно-ужасно красивый! Ты, что не видела его ни разу?! Ну, ты, вообще!

–Я вообще,– подтвердила Маша и снова засмеялась. – Арсений сказал, примерно также как и ты, что я темная и отсталая. Он тоже был возмущен до глубины души тем, что я не знаю кто такой Стрельников.

–А он еще приедет к Вам? А возьмешь у него автограф?

–Постараюсь,– пряча улыбку, сказала мать. – Скажу, что

это для его преданной почитательницы, считающей его ужасно крутым и не менее ужасно красивым.

–Мам!– засмеялась Вера.

–А у нас мороженое есть? А можно я не буду котлету доедать? Мам, а мороженое можно? А какое у нас?– затараторил Федька, которого не интересовали brutальные крутые красавцы с радио, телевидения и откуда бы то ни было еще.

–Федя, ты ничего не съел. Какое может быть мороженое?– Маша сдвинула брови, стараясь придать лицу строгое выражение.

–Ну, мам! Я больше не хочу, я наелся,– заканючил Федька.

Вера снова томно закатила глаза. Ох уж этот ее младший брат!

Уложив детей, вернее одного из них, не достигшего еще «сознательного» и ответственного за собственный нормальный режим возраста, Маша, закончив с домашними делами, погуляв с собакой, и считая свой долг по отношению ко всем домочадцам на сегодня выполненным, забралась на мягкий, уютный диван и, не горя особым желанием, приступила к чтению произведения, всученного ей настырным тезкой великого классика. Степка, развалившись в ногах у хозяйки, выставил вверх пузик и раскинул лапки в стороны.

–Ты мой хороший,– с улыбкой почесывая мягкий животик, сказала Маша.– Ну что приступим к прочтению вели-

кого шедевра?

Степка зевнул и положил морду на ее ногу. Шедевры великие и невеликие были ему до лампочки. Закрыв глаза, пес, судя по издаваемому им сопению, тут же уснул. Позавидовав такой способности и вообще возможности поспать в любое время, когда только захочется, Маша развязала тесемки, которыми была перевязана папка и достала из нее рукопись.

«Дочь тьмы». Уже одно название шедевра было многообещающим. Маша даже подумала не последовать ли ей примеру своего пса и просто нормально выспаться, вместо того чтобы «знакомиться» с сомнительным произведением и его, явно, сомнительными героями, судя по названию, имеющими самое непосредственное отношение к темным и потусторонним силам.

«Издавна на краю маленькой, скромной французской деревеньки Рашмельвеньион, в домике, соседствующим со старым кладбищем, жили ведьмы, не только занимавшиеся колдовством, но и пившие человеческую кровь...» К концу второй страницы, познакомившись с целой династией ведьм-вампириш, Маша пребывала в искреннем недоумении, как страшные колдуньи, неустанно творившие свои злодеяния и страшно терроризировавшие жителей деревни с непроизносимым названием, насылая на них порчу, болезни, всевозможные проклятия и попросту убивая их, не извели их всех на корню, и в крошечной, по словам самого автора, деревне, вообще кто-то умудрился остаться в живых.

Степка продолжал мирно посапывать и Маша, осилившая две главы страшного, в прямом смысле, бреда, вновь подумала, что стоит последовать его примеру. С книгой было все ясно. Решив, прочитать, для очистки совести еще одну главу, она продолжила «знакомство» с ведьмами, крестьянами, пребывающими в постоянном страхе и другими героями, чья судьба случайно забрасывала в забытую богом деревню. Имена у всех, без исключения персонажей были под стать названию населенного пункта, в котором происходило все действие. Совершенно не то, что непроизносимые, но даже с трудом читаемые. Лев Николаевич, на этот раз, превзошел себя. Первые две книги были не менее бездарными, но, хотя бы просто занудными, без моря кровищи и всяких ужасов, описываемых им с явным старанием, с отвратительными подробностями. Очевидно, непризнанный писатель решил, что именно страстей-мордастей не хватало предыдущим его творениям, для того, чтобы их оценили по достоинству.

«... Сижизмон открыл глаза. Прямо над ним было усыпанное звездами небо. Сижизмон осмотрелся. Со всех сторон от него вверх поднимались темные отвесные стены. Застонав, он попытался встать, но все тело наполняла невыносимая боль. Дрожащей рукой он коснулся одной из стен своей темницы. Это была земля. Догадка молнией пронзила мозг. Сижизмон задрожал от охватившего его ужаса – он лежит на дне могилы. Внезапно, над краем ямы возник темный силуэт. Лунный свет освещал мертвенно бледное лицо.

–Тебе некуда бежать, Сижизмон. Ты в моей власти.

Он узнал этот голос. Ферлионодора. Ведьма. Сижизмон едва не застонал от охватившего его отчаяния. Он погиб. Надежды на спасение нет.

–Сижизмон, ты мой пленник,– в голосе колдуньи звучало торжество.– Признай это. Подари мне свою любовь, и я дам тебе вечную жизнь. Мы будем счастливы, Сижизмон.

–Нет. Ни за что!– выкрикнул он, понимая, что обрекает себя своим отказом на страшную смерть.– Я люблю Бернардайн и лучше умру, чем предам мою любовь к ней.

Ведьма склонилась еще ниже над краем ямы. Длинные черные волосы спускались вниз как змеи. Губы искривились от злобы, и на миг прекрасное лицо стало страшным.

–Ну, так умри, Сижизмон. Ты глупец! Ты посмел отказаться от меня ради никчемной деревенской простушки.

Ночная тишина наполнилась звуками смеха ведьмы. Стены вокруг Сижизмона как будто пришли в движение и из их поверхности начала сочиться жидкость, а спустя некоторое время, хлынула сплошным потоком. «Кровь! Это кровь»,– с ужасом догадался Сижизмон и закрыл глаза. Это был конец...»

К сожалению, это был вовсе не конец, до него оставалось еще страниц двести, а то и больше. «Ужас!». Маша собрала листки и потянулась за папкой, твердо решив, на этот раз, не церемониться и выложить автору свое мнение о его творении на чистоту. Внезапно стена, находившаяся напротив

дивана, начала растворяться и исчезать. Маша застыла, не в силах поверить в происходящее. Исчез большой экран телевизора, висевшего на стене, стоявшая под ним тумба. Книжный шкаф... Там, где еще несколько секунд назад находилась стена, была освещенная луной дорога, темные контуры деревьев, вдали в лунном свете угадывались очертания покосившихся крестов и надгробий. Кладбище! По дороге, навстречу Маше, шла женщина. Длинные темные волосы колыхались при каждом ее шаге. Темное одеяние, доходившее до пят, скрывало все кроме изящных рук и лица, мертвенно бледного и невероятно красивого. «Это колдунья. Ведьма! Ферлиондора...» – Маша почувствовала, что волосы у нее встают дыбом.

–Тебе некуда бежать! Ты в моей власти,– вытянув вперед руку с длинными заостренными ногтями, произнесла колдунья. Маша попыталась отступить назад, закричать, но ноги не слушались ее, и она не могла произнести ни одного звука. Впав в оцепенение, она с ужасом наблюдала, как тонкая, изящная рука ведьмы тянется к ней. Еще секунда и острые ногти вопьются в ее горло.

–Аааа!– выкрикнула, наконец, Маша. Где-то рядом раздалось недовольное ворчание. Степка удивленно смотрел на хозяйку, моргая сонными карими глазками. Вокруг была привычная обстановка ее собственной комнаты. Телевизор висел на своем месте. Стена тоже никуда не делась. «Черт! Старый идиот, со своей идиотской книгой!» – выругалась

Маша, отшвыривая от себя листки рукописи. Завтра же она позвонит автору страшного, во всех отношениях бреда, и выскажет ему все. Мало того, что он бездарный писатель, так его писанина еще и едва не довела ее до сердечного приступа.

–Извини, дружок, что разбудила тебя,– погладив пса, ласково сказала Маша.– Ты правильно сделал, что не стал слушать эту чушь и уснул. Нечего на ночь всякие страшилки читать, вредно для психики.

Степка издал тоненький свистящий звук и всхрапнул.

С утра, после увиденного ею ночного кошмара, Маша проснулась не в лучшем настроении. После «встречи с колдуньей» она еще долго ворочалась на своем диване, в попытках уснуть. Покормив и отправив детей в школу, Маша отправилась со Степкой на утреннюю прогулку, в тысячный или десятитысячный раз подумав, что не плохо бы начать бегать по утрам. Все равно, ведь она гуляет с собакой, так почему не совместить нужное дело с полезным?

–Давай, сегодня быстренько погуляем,– сказала она, заходя с псом в лифт. Степка наклонил голову на бок и негромко тьякнул. Ну почему люди такие странные? Все время куда-то спешат. Никогда у них нет времени, чтобы прогуляться, как следует, получить от прогулки удовольствие. Что может быть приятнее, чем обойти все вокруг, как следует осмотреть, обнюхать. А потом побегать за палкой или за мячиком. Чем

вообще они все время так заняты, если на самые важные и интересные дела у них времени не остается?

–Извини, я спешу,– сказала Маша. Степка фыркнул. Кто бы сомневался.

–Здорово, Мань!– навстречу вышедшей из подъезда Маше радостно шагнул Саня.

Маша хмуро посмотрела на соседа.

–Денег нет,– отрезала она. Меньше всего ей хотелось сейчас общаться, со словоохотливым любителем выпить. Опухшее лицо расплылось в счастливой улыбке.

–А мне и не надо,– сказал Саня и потряс перед ней пакетом. Содержимое тихонько звякнуло.– У меня сегодня все есть!

–Поздравляю! У тебя сегодня прямо праздник,– не без ехидства, сказала Маша.

–Да,– согласился Саня, не уловив в ее голосе ноток сарказма.– Андрюха с четвертого этажа, денег одолжил. Он недавно въехал...– Саня еще более радостно заулыбался, вспомнив важную подробность, относительно одолжившего денег соседа Андрюхи,– ну, хахаль твой, с которым Вы тогда шли из магазина. Вот человек! Нормального мужика себе нашла, Мань. Поздравляю!

Маша смерила Саню ледяным взглядом.

–Он не мой хахаль, Саш. Он тот, кто не слушает умных советов.– Ведь предупреждала же она этого Андрея. Не послушал, теперь, можно считать, что он пополнил стан пожиз-

ненных Саниных кредиторов, взял его под свое крыло и на свое содержание.

Саня пожал плечами.

–Ну не хахаль, так не хахаль. Извини, Мань если чего. Я ж подумал просто... Хороший парень... А тебе мужик нужен, нормальный...

–Все пока. Я опаздываю,— отрезала Маша, считая утреннюю порцию общения, с окончательно пропившим мозги соседом, вполне достаточной.

–Как сама-то, Мань?— крикнул Саня.

–Прекрасно. Зашибись просто!— начиная закипать, крикнула Маша.

–Это хорошо, Мань. А Андрюха человек. И ты тоже. Давай Мань...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.